

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ТЕЛЕСКОШЪ

ВЛІЯНІЕ ДІЕТЫ,

НА ЗДОРОВЬЕ.

Тѣсныя отношенія между бытіемъ физическимъ и нравственнымъ, отношенія еще ошущительнѣйшія, хопя не столь существенныя, между организаціею человѣческой, ея измѣненіями, различными видами, правильнымъ и неправильнымъ состояніемъ и между пищевательными веществами, коими сія организація возобновляется и поддерживается, кажется, досель имѣли анализъ не полный, теорію не опредѣленную, ученіе непостоянное. Извѣстно вообще, что кофе возбуждаетъ и оживляетъ дѣйствія мозга; что чай помогаетъ пищеваренію; что употребленіе мяса развиваетъ систему мышечную. Но какое вліяніе имѣють родъ пищи, ея количество, большая

или меньшая варимость, ея горячее или холодное состояніе? Какъ различно бываетъ сіе вліяніе на шовъ, или на другой температурный? Часы кушанья, число сихъ кушаньевъ, и какъ они раздѣлены въ теченіе дня, оообразно или несообразно съ различными заботами и занятіями людей, съ поломъ ихъ и возрастомъ? Если сія важная часъ медицинскаго искусства и не всегда была въ пренебреженіи, то — что гораздо хуже — она испытала гибельныя дѣйствія шарлатанизма. Бывало, предписывали, говорить Мольеръ, сколько зеренъ соли должно положить въ яйцо въ смятку, сколько шаговъ пройти по комнатѣ вдоль и поперекъ во время пищеваренія. Лучшебъ было спросить, какая пища здоровѣе для моряковъ; тогда не умирало бы такое множество ихъ отъ скорбута. Еслибъ розыскали, отъ чего такъ много ученыхъ людей и артистовъ чувствуютъ болѣзненные затрудненія въ пищевареніи, то указалибъ шѣмъ и другимъ, какую выбирать пищу, и научилибъ ихъ не вредить своему здоровью злоупотребленіемъ веществъ раздражающихъ и тоническихъ. Еслибъ врачи распространили въ массѣ высшаго и низшаго класса народа почтѣннѣя и чи-

спѣйшія свѣденія, что холера, вышедши изъ гнилыхъ испрагъ, гдѣ гнѣздо ея, не вспрѣщала бы въ Европѣ веществъ, столь удобнаго принимающъ всѣ ея нападенія и распростиранить ея заразительность. Не дѣла сомнѣваясь, что образъ жизни въ нашихъ городахъ способствовалъ развитію сей болѣзни. Въ Европѣ, равно какъ и въ Азіи, она поражала желудки ослабленные, раздраженные, утомленные излишествами, для коихъ сіи излишества сдѣлались даже необходимостію.

Спрашно, что сія наука сдѣлала столь малые успѣхи и что на обыкновенномъ языкѣ почти нѣтъ названія, ей приличнаго; для выраженія нашей идеи, мы должны употребить слово: наука діететическая.

Предметомъ ея должны быть питательныя вещества, необходимыя для жизни и дѣйствующія на здоровье: предметы самыя занимательныя для челоѣка. Раздѣлите людей на два класса: на тѣхъ, кои питаются, чтобы только не умереть съ голоду, и на тѣхъ, кои ѣдятъ для удовольствія; тѣ и другіе имѣютъ равную нужду въ успѣхахъ діететики. Бѣдный узналъ бы, какая пища лучше вознаграждаетъ потерю силъ, коей требуетъ его со-

спотянніє; богатый научилса бы избѣгати хроническихъ болѣзней, произраждаемыхъ праздностію и роскошью и такъ сказати высиживающихся подъ ихъ крылами. Уже столько вѣковъ существуетъ родъ человѣческій: тысячи системъ діететическихъ покушались дати ей правила, утвердити ея принадлежности: но онѣ представляли только противорѣчивыя мысли и мало содѣйствовали общей пользѣ.

Сначала представляется первая важнѣйшая трудность. Человѣкъ одаренъ столь безконечнымъ разнообразіемъ способностей. Многоразличіе есть характеръ его; темпераментъ, возрастъ, привычки, нравы, гораздо болѣе отдѣляютъ его отъ другаго недѣлимаго, принадлежащаго къ роду человѣческому, чѣмъ кошка отдѣляется отъ пшчра, летучая мышь отъ пшпцы: пищеварительная способность его подвержена безконечнымъ измѣненіямъ; и природа, надѣлившая его такою гибкостью, только ему одному дала силу обращати въ пищу себя почти всѣ земныя пворенія; самыя вещества минеральныя, коихъ ядъ разлихъ въ жидкостяхъ и уничтоженъ веществами противодѣйствующими, входящи въ обласхъ вещества врачебнаго. Большая часхъ жи-

ВОИНЫХЪ или питающихся растѣніями или сущь плошадныя; органы ихъ устроены только для одного способа питанія; и за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ родовъ, коихъ желудокъ естъ пропасшь все поглощающая, даже желѣзо и дерево, сфера питанія ихъ, если можно такъ сказать, ограничена, частна и неудобоприступна. Напрощивъ человекъ не только питается различными яствами, но еще увеличиваетъ сіе различіе способомъ варенія, примѣсью различныхъ веществъ и самымъ приготовленіемъ. Въ шалашъ среди дремучихъ лѣсовъ дикарь уже разнообразитъ пищу свою всѣми способами, какіе только можетъ выдумать. Человекъ не естъ, какъ говаривалъ Платонъ, животное двуногое безъ перьевъ: это животное, которое само занимается своею кухнею.

Разнообразіе питательныхъ веществъ возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣхами образованности. Спелебекъ правки, пренебрегаемый скопомъ, обращается въ хлѣбный колосъ. Растѣнія, содержащія въ себѣ ядовитый сокъ, съ помощію обрабатыванія, потеряли свое болѣзнетворное качество и сдѣлались здоровыми и питательными. Всѣ зерна, показывающіяся на сполыхъ на-

шихъ , оушь завоеванія земледѣлія и га-
строноміи. Въ естесственномъ состояніи
они не могли бытъ упошребляемы въ пищу.
Морковь, арпишоки, капуста, сначала были
вещества деревянисшыя , грубаго вкуса , и
такъ жесккія , что шеперь не стали бы
ѣсть ихъ Европейскіе нищіе. Такимъ обра-
зомъ человекъ , переходя оуспѣха къ
успѣху, оуспѣшенія къ изобрѣшенію,
оуспѣшенства къ совершенству , раз-
нообразя вкусы , ушончая свои удоволь-
ствія , жершвуя выгодами здоровья и про-
спошюу кушанья ууѣхамъ чувствѣнности,
наконецъ невѣроятнымъ образомъ рас-
просшранилъ сферу пишпашельныхъ насла-
жденій. Возбуждая сію гастрономическую
чувствѣнность, угождая ей, умножая сред-
ства удовольстворенія ея, шворя для себя ша-
кимъ образомъ новыя удовольствія , новыя
спраданія , новыя органическія измѣненія ,
оуспѣ уже не знаесть что ему ѣсть и оуспѣ
чего наддежишъ воздерживашься. Тогда
явились полковашели , судьи , замѣчаше-
ли , и еще болѣе спушали сей предметъ ,
прибавили мракъ ко мраку, опкрыли ядъ
въ мукѣ , изъ кошорой печешся хлѣбъ , ис-
почникъ паралича въ кофе , и въ чаю на-
чало нервическихъ болѣзней. Какъ садипься

за споль , прочитавши сіи грозныя разсужденія докшоровъ ?

Докшоръ Ламбъ хотѣлъ обратишь насъ къ Пинеагорейскому образу жизни. Мы были бы также здоровы, говоритъ онъ, какъ наши коровы на пастбищахъ , если бы употребляли одинакую съ ними пищу. Но не во гнѣвъ Г. Ламбу , посылающему насъ на зеленую шраву, живописныя ошпрыгающія жвачку имѣющъ также свои болѣзни. Браminy, коихъ единственна пища есть пшено, сущіи люди слабые, безсильные, едва доживающіе до шестидесяти лѣтъ; первая болѣзнь убиваетъ ихъ ; они не перенесли бы шрудовъ , споль привычныхъ для Европейца. Другіе докшоры ушверждающъ , что только животная пища намъ свойственна : скорбущія болѣзни , почти обыкновенное слѣдствіе сей пищи, ихъ не вразумляющъ. Иные, вмѣстѣ съ Руссо , хотѣли обратишь насъ къ дикому образу жизни : ужасное заблужденіе! Дикіе живутъ мало; и скоропостижная смерть между ними есть очень обыкновенное явленіе.

Руссо разрѣшаетъ сію шрудность. „Живите“ — говоритъ онъ — „сообразно съ природою.“ Но что значить жить сообразно съ природою? Человѣкъ, едва выстроитъ себѣ соломенную кровлю , уже

зараждаєть начала образованности, дѣлаєть опыты роскоши, заигрываетъ со всѣми пороками, въ коихъ философы обвиняють общество. Дикой прожорливъ, преданъ пьянству, равно какъ образованный. Ни людоѣдство Ирокезцевъ, ни воздержаніе пиеагорейца Навуходоносора, пилавшагося только кореньями, ни живошная пища, которую исключительно употребляютъ нѣкоторые народы, ни системы рыбоденія, не могутъ служить примѣрами. Человѣкъ такъ усроенъ, что можетъ питаться и мясомъ и рыбою, и правую и плодами.

Еслибъ ограничился онъ однимъ родомъ пищи, то истощился бы подобно растѣніямъ, кои сохнутъ и худѣють, пошому что не перемѣняютъ почвы. Пересадите ихъ, онѣ оживутъ: имъ должно возобновить свои соки; новая кровь должна обращаться въ ихъ вѣтвяхъ и листьяхъ. Ипакъ напрасно предписывать человѣку какое-либо исключительное направленіе питанія: скорѣе должно изслѣдовать со вниманіемъ вліяніе той или другой пищи на шопъ или другой организмъ, извѣснаго блюда на извѣстный температурный и опношенія гастрономическихъ привычекъ къ прочимъ привычкамъ нашей жизни.

Но недостатку наблюдений надъ оимиъ безконечнымъ различіемъ температурнымъ, хотѣли положивъ общія правила съужающими противорѣчіями и очевидными заблужденіями. Желудокъ вашъ никогда не долженъ быть пущъ! кричитъ одинъ докторъ. — Никогда не наполняй его! кричитъ другой. — Не много пищи! прерываетъ препій; но возбуждающее качество ея пущъ помогаетъ дѣятельности вашего органа! — Возбуждающихъ ни подъ какимъ видомъ! возражаетъ четвертый; осматриваю хилусъ въ естественномъ его состояніи; да не возмущается ничѣмъ бальзамическое безвкусіе сего вещества, коимъ поддерживается ваше здоровье. — Въ глазахъ одного всѣ вещества заквасившіяся гибельны; въ глазахъ другаго они удивительно помогаютъ пищеваренію. — Гипократъ говоритъ: да! Галенъ говоритъ: нѣтъ! — Кому вѣришь? Каждая теорія подлверждается своими опытами, и мелкое ихъ противорѣчіе изумляетъ наблюдателя.

Правила діететическія безчисленны, равно какъ и отношенія общественыя каждаго человѣка. Въ разсужденіи сего нѣтъ совершенной аксіомы. Солдаты, питающіеся хлѣбомъ и говядиною; свѣпская женщина, поддерживаемая малымъ количе-

ошномъ, питапельнѣе сохоть; Аравіянскіе, утоляющіи свой голодъ «иниками и жажду водою; Голландецъ за однимъ обѣдомъ създающій множество мяса: всѣ могутъ жить въ добромъ здоровьи. Ишакъ все здѣсь относительно: пища, для васъ здоровая, можетъ убить вашего сосѣда. Для желудка, разспроеннаго недоспапкомъ и бѣдностію, пошребна пища здоровая, питапельная; для утомленнаго излшесствомъ и полношюю мокротъ, напроливъ, нужна пища слегка возбуждающая. Ученый и носильщикъ, старикъ и юноша, человекъ сухой, желчный, нервическій, и человекъ полнокровный, слизистый, дородный, шребуютъ конечно не одинаковаго питанія. Скажу болѣе: здѣсь должно приниматьъ въ расчетъ также и нравшвенный характеръ; и еслибъ медицина сдѣлала истинные успѣхи, то, можетъ быть, съ помощію діеты можно бѣ было имѣть вліяніе на самыя спрасши; можетъ наспахъ время, когда скупецъ и дуэлиста, честолюбивый и влюбленный, будутъ подчиняемы особому образу жизни, по предписанію доктора.

Не только различныя измѣненія возраста, пола, сосшванія, спрасшей и вкуса, должны опредѣлять частный образъ пи-

нанія; но врачъ, желающій строго заниматься симъ предметомъ, не долженъ забывать и частныхъ расположений, разнообразій прихотливыхъ, коихъ странность не можетъ входить ни въ какую систему, пресупааетъ всѣ правила и принадлежитъ къ таинствамъ организма, коихъ не возможно ни изучить ни постигнуть. Не говорю о народахъ дикихъ, питающихся киповымъ жиромъ съ деревянными опилками, коихъ не прельститъ ни лучшій пуддингъ, ни самый лакомый пирогъ; не видимъ ли между нами шакихъ, кои не могутъ перенести самой простой и здоровой пищи? Одинъ чувствуетъ свращеніе отъ миндаля, другой отъ яицъ; инаго вы оправили блюдомъ каршофля; тотъ не можетъ перенести хлѣба и не боится пирога съ жирною печенкою. Желудокъ варящій сомовину, черепаху, не принимаетъ морскихъ пауковъ, раковъ и усприцъ. Я зналъ людей, копорые могли есть плоды только пошпру.

Безъ сомнѣнія сіи случаи рѣдки; но за сорокъ лѣтъ рѣдкой человекъ не чувствуетъ въ себѣ особеннаго расположенія, которое отдѣляетъ его отъ себѣ подобныхъ: и сіи-то люди особенно желаютъ;

чтобы диатетика, какъ наука, сдѣлала успѣхи; ибо малѣйшая перемѣна въ ихъ привычкахъ возмущаетъ ихъ, такъ сказано, выбиваетъ изъ спременъ и подвергаетъ болѣзни и смерти.

Итакъ мы не знаемъ еще расположенія cadaго желудка, какъ дѣйствуетъ на него пища и — что всего удивительнѣе — ни мало не распространили своихъ познаній относительно способа пищеваренія. Пищевареніе и кровеобразованіе суть тайны не освѣщенные наукою. Посредствомъ наблюденій мы наконецъ опредѣлили, какимъ измѣненіямъ подвергается вѣренная желудку пища; но еще совершенно ни чего не знаемъ о химической его силѣ и дѣйствіи. Желудокъ извѣстенъ намъ, какъ великая мануфактура крови и хилуса, какъ всеобщая фабрика, на коей вырабатываются всѣ влаги и приготовляются силы, возстановляющія ежедневно ослабѣвающую нашу организацію. Мы знаемъ, что пища разжеванная зубами, преобразованная въ нѣкошорой родъ каши или пѣспа и смоченная слюною, въ семъ видѣ сходитъ въ желудокъ. Теплоша сего органа вмѣстѣ съ механическимъ движеніемъ, при содѣйствіи сильнаго сока, называемаго гасприческимъ,

во второй разъ превращаетъ сіе вещество въ новую кашку довольно густую, называемую у врачей *химусомъ*. Сей химусъ, уже мало похожій на пищу, онъ кошерой произвелъ, есть новое вещество; переходя въ кишки, онъ смѣшивается съ сокомъ панкреатическимъ и съ желчью и даетъ молоко свѣтлое и нѣжное, сокъ питательный (хилусъ). Поглощаемый широкими сосудъ, проводимый въ жилы посредствомъ широкаго канала, онъ переходитъ чрезъ легкія, сообщается съ кислородомъ, доставляемымъ изъ атмосферическаго воздуха, и превращается въ кровь. Безпредѣльное, чудное производство; продолжительное превращеніе, образующее и поддерживающее наши мускулы, жилы, кости, кожу; ежедневное чудо, ускользящее отъ всѣхъ микроскоповъ и упомняющее всѣхъ анализаторовъ. „Ошцы науки“ — говоритъ гдѣ-то великій физиологъ Боэргавъ — „соединитесь, возьмите хлѣбъ, вино, и все что составляетъ кровь и плоть человѣка; возьмите сіи вещества, коихъ пресуществованіе въ шѣло развиваетъ его и даетъ ему ростъ; употребите всѣ свои выкладки, истощите всѣ средства вашего искусства, вы никогда не произведете ни одной капли крови. Такъ справедливо, что самое

преемное дѣйствіе природы ускользаентъ отъ усилій нашего знанія и отъ самыхъ искусныхъ изслѣдованій.“

Извѣстно, что сокъ гастрическій есть разрыхляющій, и что безъ него равныя снѣди, принятыя желудкомъ, не могутъ превратиться въ хилусъ. Намеется извѣстно, что испущеніе гастрическаго сока бываетъ поспешенно, а не внезапно, и что оно дѣйствуетъ мало помалу на различныя части пищевательной массы, уже выработанной посредствомъ жеванія. Извѣстно, что въ нѣсколько часовъ сія масса вся превращается въ тѣсно сѣроватое и массивное, определенное къ превращенію въ кровь послѣ долгаго путешествія по шлѣу. Новѣйшими опытами доказано, что жидкая часть пищи поглощается и вытѣсняется изъ желудка, прежде нежели дѣйствіе пищеваренія прострѣтся на швердую массу. Мажанди показалъ, что сіе вытѣсненіе производиться не чрезъ нижнее отверстіе желудка или пилорисъ, но съ помощію нѣкоторыхъ сосудовъ еще неизвѣстныхъ. Но послѣ него Бленвилъ доказалъ, что для изясненія сего феномена не нужно прибѣгать къ особеннымъ сосудамъ и что поглощеніе жидкихъ веществъ въ желуд-

къ и хлѣба въ кишкахъ производятся посредствомъ настоящего вѣзвѣннѣ оквовъ ликанъ, образующую перепонки снхъ ча- ошей. Такимъ образомъ молоко, падая въ желудокъ, сначала сгущается; жидкая часть его поглощается; оспальное подвергается дѣйствию пищеваренія. Тоже бываетъ со всѣми жидкостями, съ бульономъ, супомъ, даже съ винами и влагами заквашенными. Манжанди далъ собакѣ, во время пищеваренія, проглотивъ нѣкоторое количество алко- голи; чрезъ полчаса, при анатомическомъ из- слѣдованіи, въ желудкѣ не нашелъ онъ ни малѣйшаго слѣда алкоголической жидкости; но кровь была наполнена ею и опызывалась алкоголическимъ запахомъ; когда перегнали ее, то извлекли изъ ней довольное коли- чество алкоголя. Кажется также доказа- но, что пища, дабы удобнѣе подвергнуться дѣйствию пищеваренія, должна имѣть извѣстный объемъ и что сосредоточенныя яства, какъ шо спудени, суцы, пуддин- ги, въ маломъ объемѣ заключающія много пишапельныхъ соковъ, для сваренія своего пребуяущъ, чпобъ ихъ ѣли съ хлѣбомъ или съ другими подобными вещеспвами.

Почти въ эпомъ заключаюцца всѣ наши познанія о семъ предметѣ. Можно также

напомины за крѣпко, что, такъ какъ пища человѣческое существо изъ веществъ волокнистаго, бѣлаго, студенистаго, маслянаго, слизистаго: то и яства, содержащія въ себѣ сіи вещества въ естественномъ ихъ видѣ, способны всего для сваренія и очень свойственны для нашего ежедневнаго употребленія. Но переснувшие за сіи предѣлы, и вы ничего не увидите кромѣ мрака. Скажите, если можете, какимъ образомъ пьявица извлекаетъ свое пищевельное начало изъ чистой или минеральной воды, въ которой она живетъ: скажите, почему морковь и сѣно улучшающъ лошадь, между тѣмъ какъ мы, питаясь ими распѣніями, совершенно истощимся.

Нашему здоровью содѣйствуетъ болѣе крѣпость желудка, нежели качество пищи. Химической опытъ не можетъ здѣсь быть руководствомъ; и основаніе сей теоріи не можетъ утвердиться ни на одномъ положительномъ или однообразномъ ученіи. Однакоже можно пояснить сей предметъ анализированіемъ. Многія пищевельныя вещества неудобоваримы. Не смотря на ихъ сочность, шканъ и составъ ихъ прошивны желудку и, вмѣсто того чтобы укрѣплять его, упоминають. Другія,

болѣе питательныя, вмѣстѣ удобоваримы. Великое количество сихъ послѣднихъ не обременяетъ желудка; напрошивъ самое малое количество другихъ можете разстроить его.

Итакъ первое правило или лучше первое твердое начало науки диететической есть постоянное и основательное раздѣленіе между вещами питательными и легковаримыми.

Такъ ли человекъ усроенъ, чтобы питаться только мясомъ или одними мучными веществами? Должно думать, что и другимъ, но съ нѣмъ различіемъ, что нѣтъ исключительна плошадная непременно сдѣлаетъ его больнымъ, а противоположная поддержитъ его здоровье, если не крѣпоснѣ. Чѣмъ меньше изощряется сила мышцъ, тѣмъ меньше должно есть мяса; и еслибъ градскіе жишеди, коихъ ваяніи обыкновенно бываютъ сидячія, избирали себѣ пищу, болѣе сообразную съ законами Писаорейскими, то безъ сомнѣнія здоровье ихъ вообще было бы гораздо лучше! Представьте себѣ человека, который не выходитъ на воздухъ, безъ движенія, безъ всякаго упражненія, горячешельною и питательною пищею умножаетъ массу внутренняго жара; бы-

спрошу обращеніи крови и крѣпость мышцъ, сообразную съ его организаціею ; онъ будетъ спрдашь, подобно шѣмъ расштѣніямъ, кои на раскаленной почвѣ пошчасъ засыхають и гибнущъ. Большая часшь болѣзней опъ несваренія , болѣзней желчныхъ , желудочныхъ и мнимо - желудочныхъ , желудочно-кишечныхъ и оспрыхъ лихорадокъ, замѣчаемыхъ врачами , не имѣють другой причины, кромѣ худой діѣшы , къ кошорой ежедневно присоединяется еще поваренное искусство.

Пряженое, коего масляная часшь шакъ часшо дѣлается эмфиревомашическою , необходимо должно бытъ прошивно всякому желудку. Мѣса , варенныя на плашѣ , бывають удобнѣе для сваренія и пришомъ сохраняють большую часшь питательныхъ соковъ ; варенныя въ печи дѣлаются неудобоваримыми ; въ желудкѣ и онъ дѣйствующъ шакже какъ пряженое. Изъ рыбъ , шѣ , кои содержатъ мѣнѣе жира , бывають легки и питательны , но не сполько , сколько мѣсо ; устрицы удобоваримы ; другія черепокожныя сопряжены съ опасностію ; и не многіе желудки могутъ долго переносить сомовину , угрей , осеприну , сельди. Сосредоточивать

питательныя вещества въ объемъ слишкомъ маломъ въ отношеніи къ существенному ихъ качеству, значить (какъ уже сказано) двѣлать ихъ неудобоваримыми: говядина лучше варится, чѣмъ спудень, и потому Французская кухня, основанная на правилѣ сосредоточиванія питательности и вкусныхъ приправъ, такъ часто производитъ безпорядки въ нашей плѣсней экономіи. Для того чтобы поправить худыя слѣдствія ея, безъ сомнѣнія такъ много хлѣба вѣзуть во Францію; потребно вещество мучисное, чтобы развесить массу сихъ питательныхъ веществъ, и дать возможность желудку свободно производить свои опшравленія. Всѣ масла, всѣ вещества жирныя и особенно сыръ, очень питающъ, но обыкновенно упомляютъ желудокъ.

Послѣ мяса должно поставить пищу мучную, принадлежащую къ царству растительному, пищу извлеченную изъ зеренъ или кореньевъ, улучшенныхъ земледѣлемъ и посредствомъ варенія приспособленныхъ къ здоровью. Цѣлые народы, на примѣръ, Индусы, питающаея такимъ образомъ. Ячмень, смѣшанный съ карпозелемъ и молокомъ, составляетъ главную пищу поселенъ Шотландскихъ: извѣстно, что кар-

почель во многихъ Ирландскихъ избахъ замѣняютъ мясо, хлѣбъ, овощи и рыбу. Изъ хлѣбныхъ веществъ особенно въ пшеницѣ брѣе одержишься питательныхъ началъ. Крупчатка состоитъ изъ трехъ веществъ: муки собственно такъ называемой; вещества слизистаго и сахарнаго; и клею, коего свойства очень близки къ свойствамъ вещества животнаго. Распловивши сію пыль закваскою и изнекиши ее въ печи, мы совершенно замѣняемъ ее, уничтожаемъ всѣ при начала: тогда она дѣлается веществомъ однороднымъ, очень питательнымъ, способнымъ смѣшиваться со влагами и удобнымъ къ пищеваренію. Слишкомъ свѣжій хлѣбъ, кошорому должно еще подвергнуться нѣкошорому роду броженія, закисаетъ въ желудкѣ; инакъ должно подождать всѣхъ его, пока произойдетъ въ немъ сія послѣдняя операція.

Мяса не составляютъ такого рода пищи, кошорая бы, какъ думаютъ, присущаясь къ плѣу человѣческому съ бѣльшей легкостію. Вообще питанія мучнымъ меньше упоминаютъ сей органъ, меньше горячатъ его, лучше питаютъ и удобоваримѣе. По разложеніямъ ГГ. Перси и Гер-

ринга, вошть степень ихъ свойствъ питательныхъ :

100 ф. чечевицы	содержать	94 ф. пиш. вещ.
110 ф. бобовъ	- - - - -	93
100 ф. бобовъ Турецкихъ	-	92
100 ф. пшеничной муки	-	80
100 ф. картофеля	- - -	25
100 ф. моркови	- - - -	14
100 ф. рѣпы	- - - - -	8

Хлѣбъ изъ крупичатой муки, употребительный у людей богатыхъ, очень питателенъ, но не такъ здоровъ, какъ хлѣбъ втораго разбора, въ которомъ питательное вещество менѣе сосредоточено. Это правило, кажется, не подвержено никакому измѣненію: желудокъ долженъ вырабатывать что въбрюшь ему; его дѣйствіе шѣмъ легче, если оно занимается пищею въ извѣстномъ объемѣ; онъ долженъ выбирать и отбрасывать; работа его дѣлается шѣжкою, если вы даете ему однѣ питательныя вещества. Сухарь ешть хлѣбъ безъ закваски, свойственный желудкамъ, для которыхъ закваска шѣгосшна; но закваска вообще помогаетъ пищеваренію.

Изъ сорочинскаго пшена, ячменю, ржи, можно печь хлѣбъ, мало различающійся

онъ пшеничнаго. Хлѣбъ , дѣлаемый изъ муки овощныхъ сѣмянъ, какъ шо изъ гороха, шурецкихъ и проспыхъ бобовъ, очень тяжель для пищеваренія. Сін овощи должно ѣсть въ первомъ ихъ качествѣ и въ естественномъ состояніе. Пирожныя, коихъ основаніемъ бываетъ часто прогорклое коровье и жгучее распишельное масло , должны бытъ изгнаны со стола людей нѣжныхъ и слабыхъ. Каршотель , коего мука несоравненно менѣе пишательна , нежели пшеничная мука , естъ пища здоровая ; но принимая въ большомъ количествѣ, она дѣлаеися вредною. Въ ней нѣтъ клея , дающаго мукѣ пишательность, но естъ только мучная часть и въ значительномъ количествѣ слизистое и сахарное вещество. Совѣтуемъ непремѣнно мѣшати съ каршотелемъ мясо. Хлѣбъ, доспаваемый изъ сего плода, содержиць мало пишательности; и бѣдные рабочіе люди, пользующіеся исключительно сею пищею, въ видѣ нѣспы, не могутъ вознаграждать поперянныхъ силъ.

Орѣхи , миндаля , впрочемъ очень подобныя мучнымъ распѣніямъ , содержатъ слишкомъ много швердаго масла и могутъ вредить желудку, особенно употребляемые послѣ обѣда. Въ моркови и рѣпѣ естъ сли-

зисшны и сахарныя часши, такъ какъ и въ каршофлѣ, но мало веществва пицашельнаго. Напуска, аршишоки и другія подобныя расшенія, пребуютъ долгаго варенія для смягченія ихъ волоконъ.

Плоды еще незрѣлые, упошребляемые послѣ обѣда, прицашствуютъ пицеваренію, примѣсью опасной кислошы къ желудочному соку. Поушпру для завпрака, сія пица кажется опшлично хорошею: она не обременяетъ желудка и въ продолженіе дня не мѣшаетъ его дѣйствіямъ. Травы и саашны, упошребляемые въ сыромъ качествѣ, очень похожи на плоды. Полезно примѣшивашъ къ нимъ возбуждающую приправу, для умѣренія сыросши и для содѣйствія желудочнымъ сокамъ.

Молоко можно разсмапривашъ, какъ среднее между веществвами мучными и животными. Сгустившись въ желудкѣ, оно легко переваривается. Но если дѣйствіе сгущенія уже прежде совершилось, или если оно упошребляется въ видѣ сыра, то очень трудно варится.

Царство минеральное, говоря собшвенно, не представляетъ никакого пицашенія. Мясо животныхъ легко варится, и предпочтительнѣе мясо животныхъ, дос-

попримѣчательный примѣръ. Коровы, кормленныя только желтой морковью, не имѣющею никакого ароматическаго начала, издыхали чрезъ два или три мѣсяца. Другія коровы, когорыхъ кормили такимъ же образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, по инстинкту искали возбуждающей пищи, когдой имъ не доставало, находили ее и поправлялись. Швейцарской крестьянникъ получаетъ изъ перегнанной генціаны жидкость чрезвычайно горькую, которая веселитъ его на горахъ и даетъ желудку его довольно силы для перенесенія грубой пищи. Вообще чѣмъ неудобоваримѣе пища, тѣмъ полезнѣе смѣшивать ее съ горькими растѣніями: по удивительной предусмотрительности природы, вещества растительныя, самыя неудобоваримыя, на примѣръ хрѣнъ, супъ наиболѣе ароматическія и горькія. Прибавимъ къ тому, что земледѣліе, увеличивая питательную силу большой части растеній и дѣлая ихъ способнѣйшими къ пищеваренію, оппниваетъ у нихъ острый и горькій вкусъ.

Соль, такъ жадно поглощаемая животными опрыгающими, совершенно необходима для питания человека. Не дѣлая вообразить себѣ наказанія ужаснѣе иного, ко-

шорому подвергали государственныхъ преступниковъ древніе законы Голландіи. Сіи несчастные, осужденные нипахъсь только хлѣбомъ, безъ соли, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ умирали въ состояніи ужаснѣйшаго гніенія. Мы не воспрещаемъ, подобно другимъ врачамъ, употребленіе соли, приправъ и кореньевъ. Злоупотребленіе ихъ конечно можетъ разгорячить желудокъ и повредить здоровью: но какъ приправы, онѣ помогаютъ отдѣленію пищеваельнаго сока, даютъ острый и пріятный вкусъ блюдамъ и пищевареніе дѣлаютъ совершеннѣе и скорѣе. Въ классъ возбуждающихъ веществъ мы поставимъ укусы и перецъ, кои, соединенные съ правами и расшеніями, предупреждаютъ ихъ кислоторное броженіе; сокъ лимона и другихъ острыхъ расшеній оказываетъ нуже пользу.

Но сіи слѣдствія еще неважны; представляется вопросъ важнѣйшій. Правда ли, какъ утверждаютъ накошорые медики, что должно довольствоваться, сколько возможно, одинакимъ родомъ кушаньевъ, во время одного обѣда? Или благоприятно для пищеваренія и здоровья смѣшеніе всѣхъ пищеваельныхъ веществъ? Одинъ изъ искуснѣйшихъ Брицпанскихъ медиковъ, съ большимъ пос-

тоякспвомъ занимавшійся правилами дѣшпепики, въ спранѣ, гдѣ желудочныя болѣзани производятъ столько опустошеній, Докшоръ Парисъ, говоритъ совершенно прошивъ сей сисшемы. „Чудная вещь“ — говоритъ онъ — „нынѣшній обѣдъ. Сначала наливають желудокъ супомъ, пищею трудною для сваренія; потомъ подаютъ рыбу съ соусомъ, дѣлающимъ ее неудобоваримою. Запѣтъ олдуютъ дичь и мяса. Потомъ царство прозябаемое, отъ величайшаго расшѣнїя до самаго малаго, отъ кедра до иссопа, отъ кокосоваго орѣха до гриба шайнобрачнаго, является на одномъ и томъ же столѣ. Нѣ сему гаспрономическому Вавилонскому столбу прибавленіе выдумки кондитера, шажелья произведенія пирожника, смѣшеніе всѣхъ винъ, ликера и пива. Конечъ сей многосложной драмы ешть кофе, чай и мороженныя. Какимъ образомъ человекъ, околь бы крѣпокъ онъ ни былъ, можетъ устоятъ прошивъ подобнаго хаоса кушаньевъ, воюющихъ въ упробѣ его?“

„Такой образъ жизни подвергается разспройсшбу желудка, столъ обыкновенному у насъ, не только князей, царей и миллионщиковъ, но оредніе и даже низкіе классы. Изъ десяти девять человекъ сначала наѣдаются супа и рыбы; но имъ предъ-

лагають новое лакомство, копчености, говядину под соусомъ. Являются на столъ окорокъ Веспальской или Байонской и еще искушаютъ пресмыщенный уже аппетитъ. Но это еще не все. Вотъ дичь, за которою слѣдуетъ десертъ, заключающійся сыромъ и конфектами. Множество пирожныхъ неудобоваримыхъ; сласти всякаго цвѣта, оранжевые плоды; плоды заморскіе, часто уже лишенные своего вкуса, оканчивають убійственное дѣло, начатое столъ много-различными яствами. Спрашиваю, не похожъ ли на Макбетовъ кошелъ подобный ужинъ? Удивлялись ли послѣ того желудочнымъ болѣзнямъ, на которыя жалуются, которыя увеличиваются каждый день и копорыхъ не вылечишь никакое искусство Докладана? Обѣдъ изъ одного блюда или изъ двухъ, даже при большомъ количествѣ попребляемой пищи, не можетъ произвестъ на организмъ никакого гибельнаго дѣйствія; но обременить желудокъ шестью или семью различными кушаньями, значитъ осудить его къ быстрой порчѣ и истощить свои силы въ бесполезномъ сраженіи!

„Innumerabiles morbos non minabens, quoties numera: не дивись безчисленными болѣзнямъ, изчисли поваровъ!“ Не да не поч-

группъ сихъ жалобъ врача - наблюдателя за обыкновенное подражаніе классическимъ разсужденіямъ философовъ прошивъ обжорства! Мы не возстаемъ здѣсь прошивъ обремененія пищеварительныхъ способностей, прошивъ злоупотребленія кушаньевъ и ихъ излишества, но осуждаемъ только разнообразіе ихъ и смѣшеніе въ желудкѣ. Сей причинъ приписываемъ худое состояніе здоровья большей части жителей большихъ городовъ.

„Желудокъ“ — говоритъ Докторъ Парисъ — „не съ одинакою силою и не одинакимъ образомъ дѣйствуетъ на всякую пищу: одна пребудетъ оцъ него большаго развитія пищеварительной силы, другая легче вырабатывается, можетъ быть, потому что желудочный сокъ измѣняющійся, смотря по веществу, кои онъ долженъ перерабатывать, или потому что количество его сообразуется съ различными пищамя, на кои онъ дѣйствуетъ. Какъ ни рѣшалась бы сія проблема, которая ни мало не касается до насющаго разсужденія, извѣстно, что потребно десять минутъ для одной пищи, чтобъ обратиться ей въ хилусъ, и пять для другой. Представляете, что въ вашемъ желудкѣ скопилось двадцать различныхъ блюдъ и всѣ требуютъ различнаго пищеваренія.

Столь многосложная работа не можешь быть счастливо окончана безъ того, чтобы организмъ не оспавилъ нѣкоторыхъ часней не совершенными. Пищевареніе одного вещества уже окончано; другого еще не вполнѣ; иррепьяго только начинаешся, между нѣмъ какъ четвертое уже кончилось; удивительно ли, что нѣжные и слабые желудки изнемогають отъ такихъ трудовъ! Удивительно ли, что жиители городовъ, уже изможденные беспорядочными своими привычками и нѣгою, наконецъ ничего не могутъ переваривать?»

Въ сей мрачной картинѣ много истины: но кажешься Докторъ Парисъ слишкомъ омрачилъ колоритъ ея. По теоріи, правила его кажутся справедливыми: на опытъ, должно согласиться, что слѣдствія не соотношпвуются аксіомамъ Доктора. Я знаю людей, кои проводятъ всю свою жизнь въ постоянномъ несвареніи желудка и коихъ сіе невареніе привело къ смерти послѣ девятишести лѣтъ здоровой жизни. Не говорю о сихъ рѣдкихъ примѣрахъ; но изъ нашихъ соотечественниковъ, не объдають ли въ городѣ одинъ разъ по крайней мѣрѣ въ два дня? По теоріи Доктора надобно думать, что каждый

изъ сихъ гигантскихъ обѣдовъ, каждое изъ сихъ многосложныхъ пиршествъ, каждая изъ сихъ гибельныхъ операцій, возлагаемыхъ на желудокъ, пожинаяють большую часть гастрономическаго народонаселенія. Черезъ мѣсяць или черезъ два, при такомъ образѣ жизни, еслибъ Докторъ былъ правъ въ ужасномъ своемъ выводѣ, кровь надулась бы въ жилахъ, дородство выказалось бы со всѣхъ сторонъ, въ мускулахъ прибыло бы толщины и силы, соки желудочные испионились бы, желудокъ, успавши вырабатывать пищевательнаго сока болѣе, нежели сколько нужно для здороваго челоуѣка, потерялъ бы всю силу. Обѣдающій въ городѣ чувствуешь тяжесть одинъ вечеръ, а на другой день снова начинаешь свой опытъ до поздней старости. Трое изъ самыхъ неуспрашимыхъ гастрономовъ, съ которыми познакомилъ меня случай, вѣпераны по своей части, дожили одинъ (младшій) до восьмидесяти чепырехъ лѣтъ, а двое до восьмидесяти пяти и восьмидесяти восьми лѣтъ.

Послѣдствіа пищи слишкомъ горячей, слишкомъ разнообразной, слишкомъ пищевательной, не всегда такъ неизбѣжны, какъ представляешь ихъ Докторъ; слабый желудокъ, предаваясь ежедневно трудному пищеваренію, обременяясь и раз-

ширяться опть шягоспі пици; необходимо ослабѣваетъ еще болѣе: шкань его распу-скаешся, обнаруживаешся поспоянное раз-драженіе, организація спраждеетъ. Чшо касаешся до объясненій нашего медика о пицеварительныхъ производствѣхъ и о пре-избыточестваніи хилуса, онъ ошибоченъ. Большая частъ питательныхъ веществъ не превращается въ хилусъ, какъ онъ ду-маешъ, не присуществляешся къ нашей кро-ви и мышцамъ; желудокъ принимаетъ толь-ко нужное ему, а прочее все опшвергаетъ. То, чшо говоритъ онъ о разнообразіи блюдъ и объ опасности опть несомѣстнаго ихъ скопленія, также не основано на ис-пинѣ и на разсудкѣ. Вареной картофель и кусокъ говядины могушъ очень поладитъ въ желудкѣ, не подвергая опасности жизнь и здоровье ядущаго. Извѣстно однакожъ, чшо одна изъ сихъ пицъ очень шяжело варитсѣ, а другая очень легко. Помирише если мо-жете и какъ хопише сіи опыты съ теорією, сію теорію съ опытами; вы не успѣете уни-чшожитъ сихъ послѣднихъ и не заставите насъ покинуть привычку, шполь полезную для здоровья, какъ доказываетъ опытъ са-мый обыкновенный и всегдашній. Еслибъ мы взглянули на шполь Г. Париса, што конечно

увидѣлибъ , что онъ самъ себя позволяетъ пресупать свою систему , и это можетъ быть не помѣшаетъ ему дожить лѣтъ до ста.

Не будемъ вѣрять всѣмъ преувеличеннымъ теоріямъ и возвратимся къ тому неоспоримому правилу , что всякой желудокъ , различный отъ другаго , пребудетъ своей особенной діетой , сообразной съ темпераментомъ человѣка , съ его привычками и силами. Природа имѣетъ болѣе средствъ , и средствъ самыхъ паинсвенныхъ , нежели какъ мы думаемъ вообще. Въ желудкахъ сильныхъ вареніе самыхъ разнородныхъ яствъ , кажется , безъ труда и опасности совершается ; между тѣмъ люди слабые едва могутъ переваривать молоко или нѣкоторые овощи. Ежели ежедневное накопленіе враждебныхъ веществъ вредно тѣмъ , кои ежедневно предаются излишеству стола , то можно опсюда заключить , что благоразумное разнообразіе пищи производитъ лучший питательный сокъ , обильнѣйшій и болѣе соотвѣтствующій нуждамъ организма.

Не находимъ ли мы удовольствія въ разнообразіи кушаньевъ нашего стола ! И не естественно ли думать , что сей инстинкъ , въ насъ столь ясно выражающійся , сообразенъ съ потребностію людей ,

природы. Ежели питательная жидкость, о которой мы говорили, одна сама собою должна возобновлять всю ткань, все нервы, все жилы, всю кровь, все влаги нашего тела, то не вѣроятно ли, что для совершенія такого множества различныхъ оппавленій, питательный сокъ изъ веществъ многихъ несравненно лучше, нежели сокъ извлеченный изъ одного вещества? По тому же началу, коего истина, кажется, доказана, все справедливыя любятъ перемѣнять свою пищу, все птицы, питающіяся только зернами, любятъ имѣть въ зобу своею сѣмена различнаго вида.

Пища народовъ въ разныхъ климатахъ не есть и не должна быть одинакова. Употребленіе возбуждающихъ яствъ въ климатахъ жаркихъ, строгое воздержаніе Аравіянъ, Испанцевъ и даже Италіянцевъ, нѣжная и живопная пища народовъ Северныхъ, суть доказательства нашей системы. Италіянецъ, въ первой разъ прѣхавши во Францію, удивляется всеобщей прожорливости; Французъ, приславшій въ Англію, дивися симъ громадамъ кровавыхъ мяса, обременяющихъ Англійскіе столы; Англичанинъ, проникнувшій до Исландіи, ужасается дикаго прожорства жишелей;

а если онъ опважипся доплыть ближе къ полюсу, до ледяныхъ жильевъ Лапландскихъ и Камчадалскихъ, то объяденіе ихъ и поглощеніе яспвъ самыхъ отвращительныхъ, неудобоваримыхъ, произведетъ въ немъ непреодолимое омерзеніе.

Безъ сомнѣнія во всякой странѣ есть свои излишества. Въ Англіи живошная пища и употребленіе пива причиняють болѣзни полнокровія и дають плѣту поддѣльное дородство. Во Франціи безчисленное количество соусовъ, рагу, кушаньевъ горячительныхъ, поварскихъ изобрѣшеній, сосредоточивающихъ пипапелельныя вещества и возбуждающихъ вкусъ, необходимо должны произвестъ опасную раздражительнось и преняшествованъ опшравленіямъ желудка, пищею слишкомъ выработанною, похожею почти на пипапелельный сокъ, который изклекается опшполѣ.

Теоретики наши, заклятые враги большихъ обѣдовъ, также возстають противъ крѣпкихъ напшковъ. Они ушверждаютъ, что единственныи здоровый напшокъ, который можетъ разводить пищу, безъ примѣси всѣхъ другихъ растворяющихъ веществъ, есть вода. Хвалятъ особенно воду чистую, колодезную, и если

можно перегнанную, кошорая, по ихъ мнѣнію, лучше колодезной и рѣчной воды. Не пейте болѣе одной кружки въ день, говорите школа Абернеши; и подождите пишь, пока начнетсѣ у васъ пищевареніе. Пейте, хогда хопите, говоритъ старая школа, только пейте хорошее вино, и если желудокъ вашъ здоровъ. Примѣръ великаго числа послѣдователей старой школы, кои не довольствуются одною кружкою чистой воды въ день и живутъ весело и здорово, кажется, рѣшаетъ сей вопросъ.

Если вѣрите тѣмъ же писателямъ, то всякой возбуждающій напитокъ губеленъ для человека. Безъ сомнѣнія, излишество сихъ напитковъ предосудительно; но кажется неблагоуразумно и глупо воспрепятствовать умѣренное ихъ употребленіе. Самые варварскіе народы имѣютъ у себя какой-нибудь пьяный напитокъ. Геродотъ говоритъ, что Египтяне дѣлали изъ различныхъ сѣмянъ родъ пива. Цельпы и Скандинавы пили напитокъ, добываемый изъ закислаго ячменя и пшеницы. Ташары дѣлаютъ опьяняющую водку изъ молока кобылицъ и коровъ. Кипайцы перегоняютъ сорочинское пшено и не довольствуются своимъ чаемъ, напиткомъ возбуждающимъ и наркотиче-

скимъ. Жители острововъ Сандвичевыхъ наполняютъ свои пыквы кавою, напишкомъ крѣпче рому. Подъ какимъ бы именемъ ни представлялись возбуждающіе напитки и какъ бы спрого ни было проклятіе противъ нихъ, мы не изгоняемъ ихъ вообще и не послѣдуемъ пурипанизму Абернешинцевъ. Ихъ должно употреблять, по мнѣнію нашему, какъ соль и другія вещества возбуждающія, употреблять съ экономію и бережно; вино и пиво дѣйствуютъ на сложеніе человѣческое почти также, какъ соль и горькія вещества, хотя послѣднія не имѣютъ начала наркопическаго, господствующаго въ винахъ. Въ винѣ и пивѣ находясь многія стихіи: слизистое и горькое начало, которое при пищевареніи можетъ измѣняться въ вещество пишпашельное; даже неизвѣстно, не опредѣлены ли къ тому и чистый алкоголь, находящійся въ сихъ напиткахъ, чтобы разлагаться и входить въ пишпашельную систему. Ежели перейдемъ мы отъ теоріи къ самому обыкновенному опыту, то признаемъ пользу окисшихъ напитковъ для шариковъ и слабыхъ людей, коихъ жизненная сила начинаетъ уменьшаться.

Красное вино, въ составъ коего входятъ вѣсцы и сокъ и кожица винограда,

опть сей послѣдней заимопвуеть вяжущую силу, полезную для однихъ желудковъ и не-сносную для другихъ. Бѣлое вино, содер-жащее въ себѣ только сокъ винограда, легче и не столь сильно дѣйствуетъ на нервы. Сверхъ того каждое вино содер-житъ въ себѣ особенный вкусъ, извѣстный у знашковыхъ подѣ именемъ букеша: начало лешучее и бѣглое, коимъ опшличаються раз-ные виды винъ, коего свойство усколь-заютъ опть химическихъ изслѣдованій и ко-торое ощупишельно и примѣшно только для вкуса. Въ винахъ полузакисшихъ, на-примѣръ, въ мускашномъ, Фроншиньян-скомъ, самый вкусъ плода сохраняется въ напитокѣ. Въ совершеннѣйшихъ винахъ, какъ то Бургонскомъ, Эрмитажномъ и Ривесальш-скомъ, букешъ не имѣетъ никакого сход-ства съ еспешественнымъ вкусомъ винограда, и происходитъ только опть химическаго метаморфоза, коего дѣйствія намъ из-вѣсны, но причины и самое производснво сокрышы опть насъ. Если алкоголь, содер-жащійся въ виноградной киспи, составляетъ начало букеша, то количество сего алко-голя такъ слабо, что не лзя опдѣлишь его, но способъ дѣйствія его на нервы доказываетъ, что онъ соединяется съ дру-гою спихією, чрезвычайно сильною. Извѣ-

стно, какъ веселишь и воспоргаетъ пьюща-
го Бургонское вино; но сила букеша, за-
ключающагося въ семь винъ, не имѣетъ
никакой соразмѣрности съ слабымъ количе-
ствомъ алкоголя въ виноградѣ.

Г. Брандъ составилъ любопытную таб-
лицу, въ которой относительная сила
различныхъ винъ, доказанная химическими
средствами и многократными опытами,
представляется въ слѣдующихъ результа-
тахъ:

ВИДЫ ВИНЪ	ОТНОСИТЕЛЬНОЕ КО- ЛИЧЕСТВО АЛКОГОЛЯ,
Порто	$23\frac{1}{2}$ на 100
Мадера	$23\frac{1}{4}$
Конспансъ	19
Капское	18
Черри	$17\frac{1}{2}$
Бордо	$14\frac{1}{2}$
Бѣлое	12
Шампанское	11
Бургундское	11
Пиво	ошъ 8 до 9
Поршеръ	7 — 9

Вина Испанскія и Португальскія, въ
шомъ видѣ, какъ мы получаемъ ихъ, содер-

жашть не шолько алкоголь, но и значительное количество водки. Ишакъ сіи вина опасіе другихъ; упошребляющіе ихъ подвержены частымъ и опаснымъ органическимъ измѣненіямъ. Вино Бордоское легкое содержишь мало алкоголя и совершенно убродившееся почитается здоровымъ. Вина пѣнящіяся, искромешныя, какъ-то Шампанское бѣлое, заимствуюшъ сіе кипѣніе ошъ сильной примѣси угольной кислоты и не безопасны.

Вино сверхъ алкоголя и пріносши содержишь еще часть кислоты винного камня, коего количество правда не значительно и не можешъ дѣйствовать на здоровье. Каждой день случается намъ ѣсть плоды и пропускашь въ свой желудокъ въ десять разъ больше кислоты винного камня, нежели сколько пьяница проглотить его въ своихъ оргіяхъ. Однакожь, когда вино въ желудкѣ приходитъ въ состояніе закісання, шо оно дѣлается опаснымъ; сей органъ шогда можешъ ослабѣшь и испортишься подѣ шпжестію его слишкомъ частаго вліянія. Пиво не совсѣмъ походить на вино: имѣя менѣе алкоголя и кислоты, оно содержишь болѣе матеріи слизистой и питательной, Хмѣль сообщаетъ ему другое начало, на-

чало наркопическое; пиво не дѣйствуетъ, какъ возбуждающее вещество, но усыпляетъ и упучиваетъ. Однакожъ мы не совѣщаемъ никому пиваться только пивомъ: надобно прикусывать съ нимъ пищу попрочнѣе.

Употребленіе пива полу-закисшаго, кажется, исключено изъ сполы людей богатыхъ, живущихъ въ изобиліи. Оно содержитъ слишкомъ много пивательнаго вещества; пол-пиво также начинаютъ выгонять изъ большихъ домовъ, потому что оно дешево; но оно есть превосходное пищеварительное средство, если въ немъ не много хмѣлю, если оно свѣжо и если закисаніе его было полно и совершенно. Сиденгамъ, врачъ глубоко изслѣдовавшій различія системы дѣтпейческой, въ объѣдѣ всегда пилъ спаканъ пол-пива и почишалъ его предохранительнымъ средствомъ противъ каменной болѣзни. Вотъ какъ невѣрны медицинскія мнѣнія! Недавно проявилась въ Лондонѣ секша докторовъ, вооружившаяся сильною враждою противъ всѣхъ напитковъ хлѣбныхъ. Ихъ мнѣнія приняты нѣкоторыми легковѣрными людьми и многія семейства Англійскія переспали пивъ пиво.

Что касается до горячихъ напитковъ водки и рома, не лзя сомнѣваться въ ихъ

разводящемъ дѣйствіи на раздражительные желудки и на людей нервическихъ. Самая здоровая организація не можетъ устоять опъ злоупотребленія сихъ веществъ. Пуншъ, по смѣси своей и чрезъ прибавленіе сахара и лимона, несравненно лучше. Чай и кофе, вещества почти сходныя, производятъ дѣйствія различныя. Тотъ и другой поощряють и возбуждаютъ организацію, дѣйствуютъ на систему нервную, прогоняють сонъ и ускоряють обращеніе крови. Много говорили прошивъ сихъ напитковъ; между тѣмъ люди живутъ и умирають и поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, какъ прежде. Напрасно Докторъ Джонсонъ и Докторъ Гарвей заставляли спонать пипографическіе спанки подъ тяжестію своихъ разсужденій въ защиту и прошивъ чая. Старыя дѣвы продолжаютъ наливать чайники повсюря соблазнительную хронику околodka; молоденькія не перестаютъ наливають его въ чашки своихъ кузней и брашъевъ; и эшопъ ядъ наперекоръ всѣмъ крикунамъ еще не опушпилъ земнаго шара.

Чай не имѣетъ другаго пипашельнаго вещества, кромѣ шого, что заимствуетъ опъ сахару и молока. Изъ двухъ сортовъ чая, обращающагося въ шорговлѣ, зеленого и черного, чай зеленый болѣе со-

держишь наркотического вещества: сей чай даетъ нервамъ самое сильное поощреніе. Чай веселишь, одушевляешь, возбуждаешь, но совсѣмъ иначе, нежели кофе. Кровообращеніе не усиливается, кровь отъ него не быстрѣе течетъ въ жилахъ, Это не то буйное возбужденіе, которое происходитъ отъ вина; но возбужденіе тихое, приятное, почти не чувствительное. Битіе сердца дѣлается сильнѣе, дѣйствіе мозга принимаетъ внезапную силу. Этошь легкій непримѣтный приливъ минувшаго упоенія необходимъ для тѣхъ, кои испытывали его. Вообще охотники до чая бываютъ презвы; вино имъ не нравится и пьянство для нихъ есть порокъ опротивительный. Прежде нежели сей напитокъ перешелъ къ намъ изъ Азіи, въ Англіи гораздо болѣе выходило вина. Не должно пить чай тотчасъ послѣ обѣда, какъ дѣлають нѣкоторые, но чрезъ четверть часа или чрезъ полчаса. Послѣ такого промежутка онъ помогаетъ пищеваренію, дѣйствуетъ какъ разводящее средство, слегка возбуждаетъ желудокъ, и дѣлаетъ всѣ operations легче; принятый ранѣе, онъ можетъ произвести расстройство въ хозяйствѣ желудка.

Жителі Европейскаго материка почно такъ упошребляють кофе, какъ Англичане чай; кофе полезенъ пошчасъ послѣ обѣда и прежде пищеваренія. Онъ содержитъ въ себѣ начало горькое, слизистое и немного жгучее, заимспвуемое опъ варенія. Люди, наклонные къ аневризму, у коихъ безпорядочно печеніе крови, должны пить чай и кофе очень по малу и съ ошпорожностію. Сіи напитки съ усиленіемъ движенія крови еще хуже сдѣлали бы ихъ состояніе. Для обыкновенныхъ желудковъ очень вредно злоупотребленіе шоколаша и какао, наполненныхъ часто прогорклымъ масломъ. Мы видимъ, что здѣсь не лзя принять общихъ правилъ, и благоразумно сдѣлаемъ, если примемъ за основаніе нашей діететической теоріи опношеніе пищи особенно къ каждому человеку.

Часы обѣда, равно какъ и выборъ блюдъ, ихъ спенень варенія и здоровости, суть предметъ нескончаемыхъ споровъ. Въ семъ случаѣ ни одинъ народъ не сообразуется ни съ своими предками, ни съ своими сосѣдами. Въ царствованіе Елисаветы аристократы обѣдали въ одинадцать часовъ, ужинали въ пять и шесть, а въ десять ложились спать. Теперь Англичане только

что оканчиваютъ обѣдъ, когда Лордъ Баконъ былъ уже въ поспѣлъ. Что касается до рабочаго народа, ему не позволено перемѣнять своего образа жизни: вспаешъ онъ съ разсвѣтомъ, завтракаетъ немного погодя послѣ пробужденія, обѣдаетъ въ полдни и ужинаетъ по окончаніи работъ. Мы не находимъ никакой важности во времени, однакожъ часы обѣда должны быть постоянны и часная перемѣна завтрака, обѣда и ужина, можешъ вредить здоровью. Мы дѣли привычки: правильная послѣдовательность въ нашихъ дѣйствіяхъ для насъ есть первая необходимость.

Докторъ Тамплъ говоритъ, что никогда не должно оставлять желудка безъ работы. „Эпо школьникъ, говоритъ онъ, очень забавно, который нашалилъ, если вы оставите его безъ дѣла.“ Сіе нелѣпое умозаключеніе и нелѣпое сравненіе напоминаютъ намъ Жерома Кардана, который спарался доказать, что совершенный покой есть первое условіе здоровья. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, живошныя не столь долговѣчны, какъ деревья; деревья не столь долговѣчны, какъ камни: живошныя движутся, расптнія роснутъ; камни неподвижны и — безсмертны.“ По мнѣнію однихъ,

должно їсти только однажды въ день ; Цельсъ приказываетъ два раза ; нѣкоторые медики утверждаютъ , что для начатія втораго стола не должно ждати , пока кончится первое вареніе ; восемь фунговъ пищи , принятой въ три раза , не столько обременяють шло , говорятъ Санкторій , какъ шесть фунговъ той же пищи съденной за одинъ разъ . Сія послѣдняя система гибельна ; ея должно какъ можно болѣе остерегаться .

Мы согласны , что їсти три раза въ день , два раза полегче и однажды посыпнѣ , полезно для всякаго темперамента . Строгая діѣта , какую ведутъ нѣкоторые люди , и какую налагають на три четверти народонаселенія Ирландскаго съ одной спорной несчастныя обстоятельство , а съ другою глупость безчеловѣчной похоти , сія діѣта , по нашему мнѣнію поже , что самоубійство . Сімъ образомъ поколѣнія слабыя , семейства горбачья , рождаются и распространяются . Многіе глотаютъ , не жеваяши : привычка несчастная , дающая желудку пищу непережеванную , надъ которой онъ долженъ долѣе работать . Очень здорово прогуливаться до обѣда и три или четыре часа послѣ обѣда . При совершенномъ

пищевареніи мускульная система бываетъ сильнѣе. При позднихъ обѣдахъ, какъ мы теперь дѣлаемъ, лишаемся мы полезнаго пѣлодвиженія. Впрочемъ если вѣришь Абернети, присуществованіе пищи бываетъ скорѣе а), если мы поспѣшь послѣ ужина ложимся. Изъ всѣхъ сихъ предписаній одно намъ кажется чрезвычайно важно, именно умѣренное пѣлодвиженіе. Сія блѣдная, сидячая, болѣзненная толпа нашихъ городовъ не погибала бы при первомъ нападеніи болѣзни, какъ колосъ при бурѣ, еслибъ она каждый день дышала свободнымъ воздухомъ, еслибъ мышечная система ея укрѣплялась движеніемъ, еслибъ кислородный газъ, столь необходимый для жизни, одушевлялъ всю разслабленную организацію. Тогда выборъ пищи ничего бы не значилъ, и можно бѣ было смѣяться надъ спрогими правилами, предписываемыми членами факультета.

- а) Совѣтъ, опдыхать послѣ обѣда, собственно принадлежитъ Доктору Абернети. Всѣ хорошіе наблюдатели, всѣ фізіологи тоже думаютъ. Это правило природы: всѣ живущія, коихъ инстинктъ не испортилъ воспитаніемъ, опдыхаютъ или спятъ послѣ обѣда. Подобный отдыхъ необходимъ, потому что позволяетъ влагамъ скопиться около кишечныхъ органовъ и досаждать сокъ необходимый для пищеваренія.

Но иначе дѣлается. Мы употребляемъ все для ослабленія нашего организма: живемъ въ спертомъ теплѣ, не выходимъ изъ залы и будуара; и когда наконецъ уже испорченъ, высохъ, распянулся, спараемся возсавивъ его возбуждающими средствами; длинные обѣды, проклятые Докторомъ Парисомъ, бросають искру пожара въ разслабленные тѣла. Безпокойства, душевныя и потрясенія театральныя еще болѣе увеличивають сію всеобщую болѣзненность; мозгъ сильно возбужденъ; кровь приливаетъ къ сердцу; все только что увеличивается слабую раздражимельность желудка. Примѣчено, что въ двадцать лѣтъ раздражимельныя болѣзни сдѣлались многочисленнѣе. Не прудно объяснить сей результатъ худой системы. Необходимо, чтобы медицина занялась сохраненіемъ здоровья людей; чтобы она сказала свѣтской женщинѣ: „пользуйтесь прогулками, не слишкомъ употребляйте чай, кофе и пирожное!“ чтобы говорила правительству: „населеніе, пишущееся однимъ картофелемъ и худой водкою, будетъ жить въ неизлѣчимомъ состояніи бѣдности, пьянства и преступленій!“

на имѣлъ на сей разъ богатыхъ заказовъ, вѣреался своей мысли опъ всего сердца; дѣло было уже начато въ его воображеніи; и энтузіастъ алдерманъ нашелъ живописца, который, безъ всякаго условія, положилъ краски на палитру и приступилъ къ работѣ.

Шекспиръ представлялъ цѣлой міръ для искусства: воплотить всѣ его мечты, или даже частіи ихъ, по видимому, преобладавало такихъ способностей, какихъ не возможно найти въ одномъ человѣкѣ. Какъ можно было предвидѣть, Фюзели выбралъ себѣ самые спранные пассажи изъ драмъ Шекспира, кои согласовались съ его воображеніемъ, и взялся за нихъ съ такимъ счастливымъ энергическимъ изступленіемъ, которое всѣхъ удивило. *Буря*, *Сонъ Лѣтней Ноги*, *Король Лиръ* и *Гамлетъ*, внушили ему восемь лучшихъ карпинъ, кои взялся онъ послѣпить для Шекспировой Галлерей; и изъ всѣхъ ихъ *Гамлетъ* есть превосходнѣйшая. Въ самомъ дѣлѣ, ежели когда нибудь привидѣніе могло выходить изъ могилы, то оно конечно явилось Фюзели: его *Данскій Король* не похожъ на тѣ обыкновенныя призраки, кои пугаютъ деревенскихъ шрусовъ; это меланхолическая, величес-

швенная шѣнь, съ неземною осанкою и цос-
шупью; для сей каршины нужно было вооб-
раженіе, и Фюзели не имѣлъ въ немъ недос-
шашка. Онъ имѣлъ склонность къ величе-
сшвенному: не переходилъ чершы между
ужаснымъ и опшврашшительнымъ, зная, что
первое свойсшвенно величію, а послѣднее
безобразію и уродливосшш. Одинъ ошлич-
ный мешафизикъ, посъщавшій галлерею пе-
редъ публичною выставкою, увидя шѣнь
Фюзеліева Гамлета, воскликнулъ: „Господи
помилуй!“ и объявилъ, что эшо привидѣніе
преслѣдовало его по всей залѣ.

Двѣ изъ сихъ каршинъ заслуживаютъ
подробнѣйшее разсшошрѣніе: *Шекспиръ-
Дитя* и *Титанія*. Въ первой Трагедіи
предсшавлена подъ видомъ прекрасной и
унылой машери, кошорая пшпаетъ моло-
комъ своимъ юнаго поѣша: она, кажешся,
испошцилась машеринскими попеченіями; и ди-
шя, коего губки еще увлажнены молокомъ,
съ глазами, сверкающими геніемъ и здоро-
вьемъ, кажешся, сшѣшшш опшорвашся опъ
ея груди и бросишся въ объашпія Комедіи,
другой женщины моложе и веселѣе, съ глаза-
ми болѣе смѣлыми, въ нарядѣ не такъ спро-
томъ, съ ногами рѣзвыми, какъ бы гошповыми
пущишся въ пляску, кошорая заигрываетъ съ

нимъ. Вокругъ сей группы, живописецъ собралъ различные характеры, созданные повсюду. *Леди Констансъ* съ ея глубокою горестію и преданностію судьбъ; *Леди Макбетъ* въ сценѣ оомнамбулизма, которой гений дѣвицы Сиддонъ придаетъ новые ужасы; три *Вѣдмы* мрачныя, но, съ выраженіемъ рѣзкимъ и определеннымъ; *Фальстаффъ*, бочка, налишая умомъ, съ головою человѣческою; *Колибанъ*, спрванное созданіе, среднее между человекомъ и скотомъ, которое идетъ ползкомъ взглянуть на своего зиждигшеля. На всѣ сіи фигуры тѣнь *Гамлета* бросаетъ неземное сіяніе. Маска *Отелло* скрыта въ складкахъ плащя Трагедіи; наконецъ *Царица Мабъ* и одна изъ наиболѣе рѣзвыхъ сесшеръ ея играютъ въ колыбели Шекспира.

Картина *Титанія* есть совершенно комическая и ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена удачнѣе, какъ съ *Странствующими Гогаршовыми Комедіантами*: эпо богатая спраница, наполненная фаншаспическими причудами. Арписпъ взялъ сцену изъ четвертаго дѣйствія драмы, гдѣ *Царица Фей*, обвороженная обманчивою прелестію, ласкается шкача *Боттома*, на плеча коего волшебный жезлъ *Оберона* возлагаетъ ослиную

голову. *Титанія*, веселая и плавношественная ея, сопровождаемая рѣзвымъ роємъ призраковъ, хочеть, сколько возможно, понравиться своему новому любовнику, который пощупываетъ голову и длинныя уны, принимая на себя самый глупѣйшій видъ. Вокругъ *Боттома* и *Титаніи* веселость, рѣзвость и своенравіе; толпа грацій и еей всѣхъ формъ и цвѣтновъ спѣшишь повиноваться велѣніямъ своей царицы. Волъ паушина идетъ задавить смиренную пчелку на полевомъ цвѣткѣ, чѣобы *Боттомъ* могъ сосать изъ ней медъ; волъ цвѣтныи горохъ, коего обязанность охранять голову пшача; волъ другой шалунъ, который опыскиваетъ тайный магазинъ бѣлки и крадетъ у ней орѣшки.

Шекспирова Галлерей приобрѣла Фюзели безчисленныя похвалы; но ея не доспапочно было для приобрьтенія народности. Грубые органы полны лучше цѣнили дѣйствительность жизни въ искусствѣ, чѣмъ поэпическіе предметы. Къ счастью арписъ не сполько имѣлъ въ виду народности, сколько уваженіе небольшого числа знапкоковъ. Карпины, написанныя имъ и послѣ *Галлерей*, принадлежатъ шакже къ поэпической живописи. Адъ Данпа вдох-

нудъ ему *Францеску* и *Паоло*; *Виргилій* — *Дидону*; *Софокль* — *Эдипа съ Сыномъ*; *Боккачю* — *Теодоро* и *Гоноріо*. Фюзели былъ избранъ членомъ Академіи въ 1788 году, а въ 1790 году Академикомъ; сіи почести были наградою его таланта, а не происковъ.

Въ 1788 году онъ занялъ домъ въ *Нин-Анн-Спригъ*, съ приличною мастерскою и галлереею. Въ эшопъ же годъ онъ женился на *Софіи Раулинсъ*, супругъ нѣжной и вѣрной, кошорая укрощала его въ часы раздраженія; любила искренно и была обожательницею его таланта. Она не была ни знатной породы; ни оплчнаго воспитанія; но столько добра и любезна, что не заслуживала тѣхъ горькихъ искушеній, кошорымъ должна была подвергнуться. За споломъ книгопродавца *Джонсона*, Фюзели встрѣчилъ друга своего *Армстронга*, кошорый хвалилъ его въ журналахъ, *Вольноша*, кошораго ненавидѣлъ, и *Марію Волстонскрафтъ*, женщину-писательницу, кошорая съ перваго свиданія почтила его своею любовію. Французская революція была въ то время соблазномъ молодежи и ужасомъ спариковъ. Фюзели слегка ею прогадся; но красный колпакъ *Якобинцевъ* не былъ пустымъ символомъ для *Маріи*

Волстонскрафтъ , которая вела себя , какъ будто считала нелицепослю сомнѣваться , что новый порядокъ вещей освободитъ родъ человеческій отъ прежнихъ нравственныхъ обязанностей и что замужство будетъ признано бесполезнымъ обрядомъ , по новой религіи , проповѣдуемой Ретельеромъ-Лепо и его товарищами. Съ сими-то и подобными мыслями , бросила она взоръ свой на Шекспира Англійской живописи. Что до него , то вмѣсто того , чтобы опровергнуть сію смѣшную навязчивость , онъ вообразилъ себя подъ властію демона плахонической любви , принялъ видъ чувствительнаго Коридона , началъ паять ложными восторгамъ и запалилъ свое воображеніе вѣтъ огнемъ молодости. Впрочемъ , говорятъ , что законная жена его не имѣла основательныхъ причинъ ревновать къ сей нѣжной взаимности.

Сочинитель *Калеба Вилліама*, Годвинъ , женившійся послѣ на Маріи Волстонскрафтъ и описавшій жизнь ея , изображаетъ связь сію такимъ образомъ. „Между Маріи и знаменитымъ Фюзели существовала истинная пріязнь ; она часто съ нимъ видалась ; забавляла его , плѣняла , наславляла. Занимаясь сама живописью ,

она любила видѣть его произведенія и часто бывала у него въ домъ; Фюзели долженъ былъ планишь ей за посѣщенія. Не смотря на различіе лѣтъ, Мари была не шакого свойства, чтобы жить въ подобной короркостн съ челоѡкомъ великаго шаланпа, не полюбя его. Прелестн, копорн она находила въ его сообществѣ, легко было перенести на его лице. Уже шридцашъ лѣтъ жила она въ одинокешвъ и занворъ; и шакъ какъ чувствительность ея была чрезвычайно жива, то она гораздо живѣе, чѣмъ кто либо, чувствовала свое опчужденіе отъ общества. Чувства, копорн возбудилъ въ сердцѣ ея Фюзели, открыли ей шайну, копорой она нѣкопорымъ образомъ не понимала. Впрочемъ это чувство было совершенно чистое, согласное съ разумомъ и нравственностью. Фюзели былъ уже женатъ, и Мари прѣхавши къ нему однажды, познакомила съ его женою. Она не скрыла отъ него, какъ желалось бы ей, чтобы челоѡкъ, въ копоромъ нашла она качества, возбудившія споль сильную привязанность, былъ также свободенъ, какъ и она; но съ смиреніемъ покорилась обстоятельству.

Женашый пятидесятилѣтній мужчина и женщина, соединявшая чувствительность съ философіей, смотря другъ на друга ласковыми взорами, не понимали, что они представляютъ собой картину довольно романическую; но жена Фюзели сначала не хотѣла видѣть эту вѣрность съ одной забавной стороны. Мужъ ея, со всѣмъ хладнокровіемъ спокойной совѣсти, сказалъ ей однажды, увидя ее въ досадѣ: „Соня, другъ мой! отъ чего ты не поругаешься, какъ слѣдуешь; ты не знаешь, какъ бы это къ тебѣ шло!“

Но Мари Волстонскрафтъ наконецъ почувствовала необходимость освободиться отъ сей спраси, которая вѣроятно начала дѣлаться не шакъ платоническою, какъ она чувствовала ее сперва. Она уѣхала во Францію въ 1792 году.

Годвинъ изъясняетъ намъ еще, какимъ образомъ ея воображеніе рисовало ей плѣнительную картину семейственнаго счастья, коимъ она могла бы наслаждаться съ Фюзели. Ей недоставало было обыкновеннаго обращенія; она чувствовала себя одинокою среди толпы подобныхъ себѣ и сожалѣла, что лучшіе годы жизни своей провела въ безоправдномъ одиночествѣ.

Сїи мысли оправляли горькими муками ея сношенія съ Фюзели, недавно бывшія для ней источникомъ сладоспнѣйшихъ удовольствій. Она почувствовала необходимость разорвать сїи оковы и оправилась искать новаго климата и новыхъ зрѣлищъ.

Бѣдная философка! Ишакъ она увидѣла, что великолѣпное зданіе плашонической любви ея рухнуло! Къ счастью, женщины не опререкаются и въ тридцать, равно какъ въ двадцать лѣтъ, вознаграждаютъ свою запоздалость въ наслажденіяхъ любви: для Мари Волспонскрафтъ оставалось еще впереди много похужденій, не столько философическихъ, какъ связь съ Фюзели; и авторъ *Калеба Вилліама* написалъ ихъ исторію со всей супружеской снисходительностью.

Плашоническая любовь Фюзели и Мари Волспонскрафтъ, по счастью, не могла ошлечь живописца опъ его занятій. Въ 1791 году, онъ предпринялъ *Галлерей Картинъ*, заимствованныхъ изъ *Мильтона*, копію кончилъ въ 1800 году. Галлерей сїя состояла изъ сорока семи картинъ. Она представляла великолѣпную параллель съ *Шекспировой Галлереей*; но когда публика увидѣла сїе исполинское созданіе, то открыла, что

геній Фюзели былъ совсѣмъ другого свойства, чѣмъ геній Мильтона. Неукротимое воображеніе его не хотѣло покориться крошечному и суровому величію поэта. Величественная мрачность царства духовъ и высокое опшчаніе ихъ гордаго вождя была выше силъ его. Онъ могъ увеличить яросль Молоха злобою Вельзевула; но не могъ изобразить той ужасной дерзости, того опшчаннаго упорства и вѣдѣль того ангельскаго блеска, кои опшчаютъ Сашану Мильтонова и послѣ паденія. Изъ всѣхъ картинъ, составляющихъ *Галлерею Мильтона*, *Больница* болѣе всѣхъ заслужила удивленіе знатоковъ; а *Сатана*, пораженный копьемъ *Итурілла*, понравился болѣе толпѣ.

Предъ началомъ сего предпріятія, Фюзели сдѣлался другомъ Купера, въ слѣдствіе общей ихъ симпатіи къ Гомеру; и Куперъ признается, что переводя Греческаго поэта, онъ за счастіе почиталъ имѣть другомъ кришика споль просвѣщеннаго. Фюзели съ своей стороны спарался прослыть глубокимъ Еллинистомъ, многоязычникомъ. „Какъ выгодно“ — говорилъ онъ — „быть просвѣщеннымъ и особенно знать всѣ языки! Вотъ, на примѣръ, я говорю по Гречески, по Лашини, по-

Французски, по Англійски, по Нѣмецки, по Голландски, по Датски, по Испански; и пошому, когда разсержусь, могу дашь гнѣву моему изливашься восемью испоками !“

Когда Барри лишился мѣста Профессора Живописи, въ 1799 году, Фюзели провозглашенъ былъ единогласно его преемникомъ. Въ продолженіе своего Профессорства произнесъ онъ девять лекцій, изъ коихъ три особенно были примѣчательны: о Древнемъ Искусствѣ, о Новомъ Искусствѣ и о Изобрѣшеніи. Профессоръ показавъ себя пламеннымъ энтузіастомъ искусства; онъ проповѣдывалъ къ нему религіозное благоговѣніе и прогонялъ всѣхъ воспищанниковъ, въ коихъ не подозрѣвалъ другой цѣли занятія, кромѣ средства соспавишь себѣ счастье. Изъ всѣхъ главъ Библіи, кои онъ вмѣстѣ съ Веспалемъ представилъ въ картинахъ, съ наибольшимъ удовольствіемъ цитовалъ онъ ту, гдѣ Іисусъ изгоняетъ купцовъ изъ храма.

Въ продолженіи перемирія 1802 года, Фюзели посѣтилъ въ Парижѣ богатую Луврскую Галлерей. По возвращеніи онъ занялся изданіемъ *Словаря Живописцевъ Пиа-*

кинстона, произведенія посредственнаго, которое не много прибавило къ славѣ его. По его мнѣнію, для пріобрѣтенія права на біографическое воспоминаніе, достаточнo было попробовать написать историческую картину, тогда какъ онъ притворился незнающимъ имени Генсбурга пейзажиста и оказывалъ несправедливое неуваженіе къ Гогаршу между мертвыми, и къ Рейнольдсу между живыми, проспирая такимъ образомъ до излишества уваженіе и презрѣніе.

Почувствовавъ истинное удивленіе къ Скандинавской поэзіи Грея, Фюзели сочинилъ много картинъ, предметы коихъ заимствованы изъ Сѣверной Мифологіи. *Богъ Торъ и Змѣй* было самое любимое его твореніе. Геній его упивался всѣмъ, что было самаго ужаснаго и самаго прекраснаго въ преданіяхъ Сѣверной Липературы. Склонность его къ предметамъ ужаснымъ такъ была велика, что академическіе соповарищи его промежь себя прозвали его *придворнымъ живописцемъ дьявола*. Когда ему пересказали это прозваніе, онъ разсмѣялся отъ добраго сердца и сказалъ: „пусти ихъ! дьяволъ дѣй-

спивинельно бывалъ нѣсколько разъ у меня въ маеперской.“

По смерти Вильсона ваятели, Фюзели сдѣлался Консерваторомъ Королевской Академіи. Должность сія доставила ему квартиру во дворцѣ Сомерсетскомъ съ жалованьемъ, достающымъ для его обезпеченія; но по успаву, онъ долженъ былъ оставить свою катедру. Онъ былъ однако снова избранъ по смерти Опи на его мѣсто; и такимъ образомъ занималъ двѣ должности, кокоторыя до самой смерти исполнялъ съ опланнымъ успѣхомъ. Его остроты, насмѣшки и сарказмы забавляли воспитанниковъ его, не смотря на то, что большей частію къ нимъ самимъ относились. Одинъ изъ нихъ показалъ ему однажды свой рисунокъ и сказалъ съ хвастовствомъ: „Вотъ эскизъ, копорый я кончилъ, не испрашивъ ни корки хлѣба!“ — „Тѣмъ хуже для твоего эскиза! возразилъ Фюзели; купи себѣ на два гроша хлѣба и замарай его.“ — „Что ты тамъ смотришь?“ спросилъ онъ у другаго, копорый глядѣлъ съ разсѣяннымъ видомъ. — „Ничего, Г. Профессоръ.“ — „Ничего, молодой человекъ? возразилъ Фюзели: какъ ничего! Я объявляю тебѣ, что ты долженъ

всегда что-нибудь видѣть: ты долженъ имѣть предъ глазами ясный образъ того, что рисуешь. Вотъ я, напримѣръ, я вижу дѣйствительно все, что пишу, и дай Богъ, чтобы могъ написать такъ, какъ вижу!“

Иногда онъ спрѣлалъ эпиграммами и въ своихъ академическихъ сотоварищѣхъ. Что-то было у него на сердцѣ прошивъ Норшкоша и Опи, которые оба пришли къ нему извиниться. Фюзели, какъ скоро увидѣлъ ихъ, отворилъ двери и сказалъ: „Идите, идите скорѣе, ради Бога, или вы меня погубите.“ — Какъ это?“ спросилъ его Опи. — „Какъ это?“ повторилъ Фюзели съ серьезною выраженностью „Чортъ возми! Если сосѣди мои увидятъ васъ, то непременно скажутъ: какой бѣдняга Фюзели! вотъ, полицейской (указывая на Опи) который идетъ взять его подъ караулъ; а это жидъ-скупицкъ (указывая на Норшкоша), который хочетъ захватить мебель; идите, говорю вамъ, торопитесь, чтобы васъ не примѣтили.“ — Норшкошъ особенно служилъ для него часто предметомъ насмѣшекъ. Однажды смотрѣлъ онъ на его картину, въ коей предсавлялся Ангелъ, останавливающий Валаама и его осла: „Какъ вы думаете

о картинѣ?“ спросилъ у него Норкпотъ.
„Она превосходна!“ отвѣчалъ Фюзели:
„вы осла нарисовали, какъ ангела; но по
несчастію ангела-то, какъ осла.“ Одинъ
хлопотунъ пришелъ къ нему поуспру и
сказалъ: „надѣюсь, что я не оскорблю васъ
моею безразсудною дерзостью!“ — „Из-
вините меня!“ отвѣчалъ Фюзели грубымъ
тономъ. — „Такъ! я приду завтра!“ —
„Нѣтъ, нѣтъ! вы будете еще безразсуднѣе!
поспѣшите-ка оказать, что вамъ нужно;
ибо вы шеперъ уже здѣсь!“

Ваятели Ноллекина онъ не могъ пер-
пѣть за его скупость и весьма часто дѣлалъ
своими насмѣшками. Однажды вечеромъ
послѣ обѣда, въ домѣ банкира Кунтса,
хозяинъ танцуя взошелъ въ костюмъ Мор-
ганы и забавлялся, грозя каждому изъ
гостей кинжаломъ. Когда дошло дѣло до
Ноллекина, то Фюзели вскрикнулъ: „ко-
лише, колише его хорошенько; вѣдь у
него нѣтъ сердца, какъ и у спашуй его!“

Во время одной изъ своихъ академи-
ческихъ лекцій, Фюзели назвалъ пейзажис-
товъ попографами живописи. Бичей пор-
третистъ, находившійся при томъ, толк-
нулъ локтемъ Турнера, чтобы дать ему

замѣнишь строгость сдѣланнаго опредѣленія. Но черезъ минулу Фюзели заговорилъ о любителяхъ поршпретовъ, какъ о людяхъ, которые заплативъ нѣсколько гиней за то, чшобъ написали ихъ безмозглыя головы, берутъ на себя видъ покровителя искусства; Турнеръ въ свою очередь толкнулъ доктемъ Вичея. Сей послѣдній, по окончаніи урока, подошелъ къ Профессору и сказалъ: „Вы насъ обидѣли!“ — „Не васъ, опивчалъ Фюзели, а пѣхъ дураковъ, которые васъ употребляютъ!“

Одинъ ваятель выставилъ модель мавзолея, на кошоромъ змѣя грызла свой хвостъ. Фюзели взглянулъ косо на эту эмблему вѣчности, сдѣлавшуюся давно общимъ мѣстомъ, и сказалъ архиспу: „Я желалъ бы чего нибудь поновѣе.“ — Это чего нибудь поновѣе изумило ваятеля, коего воображеніе никогда не выходило изъ обыкновенной колеи. „Найши что нибудь поновѣе?“ спросилъ онъ его: „да гдѣ же?“ — „Ничего нѣтъ легче,“ опивчалъ Фюзели; „и я гошовъ вамъ помочь. Когда я опправлялся изъ Рима, то оставилъ въ улицѣ Св. Маршина двухъ толстыхъ колбасниковъ, которые рѣзали свиное мясо на ломпики; черезъ десять лѣтъ, при моемъ возвращеніи, я нашелъ эшихъ

двухъ толстыхъ колбасниковъ разрѣзывающихъ по прежнему свиное мясо на ломпики. Вошъ уже два года прошло послѣ того, а два толстые колбасника все также рѣжутъ свиное мясо на ломпики. Изваяйте мнѣ эпихъ двухъ пріятелей: вошъ вамъ и эмблема вѣчности!“

Во время выспавки его *Мильтоновой Галлерей* онъ зашелъ въ банкъ и, обращаясь къ одному изъ окружающихъ, сказалъ, что имѣетъ нужду въ небольшомъ количествѣ денегъ для маленькаго путешествія. „А сколько вамъ нужно?“ — „Сколько? Ахъ! не болѣе двадцати гиней. И какъ это сумма очень большая, то я и рѣшился предупредить васъ о томъ за сущи.“ — „Благодарю васъ!“ сказалъ банкиръ, передразнивая насмѣшливый тонъ Фюзели: „мы будемъ гошovy; но такъ какъ у насъ деньги рѣдки, то вы много обяжете насъ, ежели дадите намъ нѣсколько билетовъ для входа въ вашу Галлерею. Это избавитъ нашу кассу отъ убытка, да и Галлерея ваша не останется пустою.“ Фюзели пожалъ ему руку и сказалъ: „Хорошо, сударь, я вамъ дамъ нѣсколько билетовъ отъ всего сердца: мои каршины уже получили одобреніе отъ любителей и знашokовъ, отъ дво-

рянъ и гражданъ. . . Теперь мнѣ очень пріятно будучи послушать толковъ черни; итакъ я пришлю двадцать билетовъ для васъ и для вашихъ друзей.“

Съ 1817 по 1823 годъ, Фюзели выставилъ въ Академіи двѣнадцать картинъ, которыя доказали, что воображеніе его неизчерпаемо, рука неутомима. Шесть изъ нихъ были особенно примѣчательны, именно: *Персей, выходящій изъ пещеры Горгонъ* — *Дама и Кавалеръ Адскій* — *Дантъ встрѣчающійся въ адѣ съ Паоло и Франческой* — *Волшебная Сцена* — *Тезей* — *Аріадна и Минотавръ* — наконецъ *Комусъ Мильтоновъ*.

Фюзели очень хорошо сдѣлалъ, повѣривъ рѣзцу увѣковѣчить свою славу. Эстампъ, сохраняя его рисунокъ, прикрываетъ его спранный колоритъ; и такимъ образомъ представляешь въ полномъ блескѣ выраженіе его произведеній. Моисей Гугшонъ съ удивительнымъ искусствомъ выгравировалъ его *Больницу*, *Сатану*, *Гамлета*, *Сонъ Летицей Ночи* и *Евфросину*.

Жизнь Фюзели повержена была своимъ непріятностямъ; но здоровье его было постоянно; наконецъ приблизилась старость. Онъ жилъ болѣе осмидесяти лѣтъ,

наслаждался успѣхами и славою. „Я не былъ никогда несчастенъ“ — говорилъ онъ — „по тому что всегда былъ здоровъ и всегда дѣлалъ, что хотѣлъ.“ Немного людей съ талантомъ могли о себѣ сказать тоже. Когда кисть его опдыхала, онъ брался за перо. И-такъ жизнь его была всегда полна. Онъ не любилъ шерясть времени: вставалъ рано, за-ниракалъ съ книгою, мѣшая кушанье съ чте-ніемъ, былъ разборчивъ и презвѣ, почему въ сарказмахъ своихъ не щадилъ обжоръ. Онъ ѣлъ только два раза въ день, никогда не ужиналъ. Носился слухъ, будтобы однаж-ды только въ жизни ѣлъ онъ на ночь, и при-томъ сырую вешчину, чтобы подвергнуться на самомъ дѣлѣ давленію домового, кото-раго собирался писать: но это сказка. Пос-лѣ завтрака онъ ходилъ въ свою мастер-скую и занимался тамъ до обѣда; обѣдалъ наскоро, когда былъ дома, и послѣ того читалъ любимыхъ своихъ поэтовъ, Гомера или Данта, Шекспира или Миль-тона, до самаго сна. Когда находили на него черные часы, то жена его опытомъ дозна-ла средство прекращать ихъ, приводя его въ гнѣвъ. Фюзели разсерженный, поднимался бурею, подобно нарисованному имъ Са-пани предъ Бвою, гремѣлъ на нее прокля-

пїями, потомъ запирался на часъ или на два въ свою масперскую, и выходилъ отпуда веселымъ и улыбающимся: кризисъ такимъ образомъ оканчивался.

Онъ умеръ 16 Апрѣля 1825 года, въ Пюшней - Гилъ, у Графини Гильфортъ, которую посѣщалъ вмѣстѣ съ поэтомъ Рожеромъ и Сиромъ Томасомъ Лауренсомъ, коего любилъ, какъ лучшаго своего друга.

Не смотря на неровности и причуды своего характера, Фюзели былъ любимъ всеми и никѣмъ сполько, какъ своими учениками, хотя иногда очень чувствительнѣе обижалъ ихъ. Онъ имѣлъ превосходную способность угадывать между ними тѣхъ, кои должны были нѣкогда сдѣлать честь его урокамъ. Такъ онъ предсказалъ славную будущность Лауренсу и Вильки. Фюзели былъ шакъ близорукъ, что долженъ былъ опхотиться на нѣкоторое разспояніе отъ спанка чинобы смотрѣть на свою работу посредникомъ лорнеша. Эшотъ физическій недоспашокъ необходимо долженъ былъ вредить его успѣхамъ въ искусствѣ и объясняетъ жестокость анапомическихъ подробностей, примѣшную въ лучшихъ его картинахъ. Близорукость подвергла его однажды мщенію одного изъ учениковъ, который под-

ставилъ ему на дорогѣ скамейку, на которую онъ спотыкнулся и упалъ. „Слава тебѣ Господи!“ вскричалъ онъ: „спало, надобно мнѣ надѣвать очки на колѣнки!“ Эта шушка спасла его отъ припадка гнѣва.

Такъ какъ онъ безпрестанно жаловался на недостатокъ поощренія искусству, то его считали бѣднымъ: и друзья никогда не торговались съ нимъ о картинахъ; не смотря на то по смерти не оспалось у него никакого имѣнія. Достоинства его были необыкновенны. Обладая смѣлымъ и оригинальнымъ талантомъ, онъ любилъ все обширное, странное и чудесное, гдѣ бы оно ни находилось: на небесахъ, въ адѣ или въ морской безднѣ. Сцены жизни домашней считалъ онъ недостойными своей кисти, дружась только съ полубогами поэзіи и жалуясь, что рука его не можетъ еще выразить вполне созданія его генія. Мечты его были великолѣпны; но какъ мечты Еввы, онъ были возмущаемы демономъ и исчезали прежде, чѣмъ онъ имѣлъ время оковать и воплотить ихъ.

Цѣль его была поражать и изумлять: все честолюбіе его состояло въ томъ, чтобы звали его Фюзели смѣлымъ, живописцемъ Мильтона и Шекспира, соперни-

комъ Микель - Анджело. Изъ семидесяти картинъ, имъ написанныхъ, ни одна не можетъ быть названа обыкновенною; всѣ онѣ поэпическія и опдѣланы поэпически; двадцать изъ нихъ не поняшны, не нравятся; двадцать другія могутъ быть поняшы; еще двадцать заслуживаютъ мѣсто въ галереяхъ любителей; но десять послѣднія суть по истинѣ созданія изящныя и опносительно исполненія ни сколько не уступають картинамъ величайшихъ художниковъ. Не лзя отрицать, что изскупленіе и принужденность порпятъ почти всю живопись Физели; но самыя высокія крипики и поэшы находятъ въ немъ великое и опдають ему справедливоспъ.

Колоритъ Фюзели также оригиналенъ, какъ и рисунокъ: это родъ сверхъеспленнаго цвѣта, копорый впрочемъ сообразенъ съ большей частью его предметовъ: посему нечего и говорить объ немъ въ тѣхъ картинахъ, гдѣ онъ представлялъ адскихъ духовъ и чародѣевъ; но колоритъ сей не можетъ удовлетворять, когда на полотнахъ находятся просто сущесва изъ плоти и крови, сыны и дочери Адама.

Фюзели оставилъ восемь сотъ рисунковъ илм эскизовъ, копорыя доказыва-

юпъ его разнообразныя свѣденія и лучшее воображеніе. Онъ забавлялся, въ минуты досуга, рисуя все, что поражало его во время чтенія или мечтаній, и такимъ образомъ разцвѣтилъ почти всю древнюю и новую поэзію. Тѣ, кои знаютъ Фюзели только по картинамъ, не вполне знаютъ обширность его генія. Особенно удивительно, что въ сихъ эскизахъ рѣдко встрѣчается то изступленіе и та напряженность, кои такъ ощутительны въ большихъ его картинахъ. Иногда встрѣчается въ нихъ прекрасная дама въ модномъ платьѣ, въ румянахъ, мушкахъ и разныхъ уборахъ, вооруженная всѣми орудіями, кои дѣйствуютъ противъ мужчинъ: и это воспоминаніе изъ дѣйствительной жизни удивитъ васъ въ сообществѣ идеальныхъ фигуръ, точно также, какъ еслибъ вы вдругъ увидѣли въ Тюльерійскомъ саду Французскую кокешку, прогуливающуюся между Аполлономъ и Спартакомъ.

Фюзели любилъ свободную веселость древнихъ писателей Италіянскихъ и Англійскихъ. Самыя веселыя сцены ихъ онъ изобразилъ своимъ карандашемъ; но цѣломудренная рука его вдовы, предала большую

часпѣ ихъ огню; остались только нѣкошорыя въ богатыхъ поршѣйлахъ, коихъ владѣтелемъ сдѣался Сирѣ Лаурѣнсъ.

(REVUE DE PARIS.)

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Б)

БОГЕМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(извлеченіе изъ писемъ г. андрея кухарскаго).

Прага есть средоточіе Богемской Литературы, считающей теперь болѣе пятидесяти живущихъ авторовъ. Зная, что сей предметъ много тебя занимаетъ, я рѣшаюсь изчислить тебѣ длинный рядъ ихъ названій и ихъ сочиненій. Г. Челковскій, частный учитель въ одномъ изъ здѣшнихъ домовъ, кромѣ собственныхъ епихоніаовеній и переводовъ, издалъ при томъ прекраснѣйшихъ Богемскихъ пѣсней, прибавивъ къ нимъ пѣсни и прочихъ Славянскихъ народовъ, съ Богемскимъ переводомъ. Чекмакъ, Пробытъ въ Добромъ Уздѣ, сдѣлался извѣстнымъ разными сѣташьями въ прозѣ и въ епихахъ помѣщенными въ журналахъ. Г. Дундеръ, учитель въ одномъ публичномъ заведеніи, издалъ разныя географі-

чекія сочиненія о Богеміи. Изъ нихъ видно, что въ Богеміи народонаселеніе проеширается до 3,600,000 человекъ, изъ коихъ три части Славянскаго племени, а четвертая Нѣмецкаго.

Г. Ганка принесъ большую пользу Богемской Литературѣ тѣмъ, что изыскалъ, собралъ и издалъ древнѣйшія Богемскія рукописи въ прозѣ и стихахъ, подъ заглавіемъ *Starobylé Skladanie*, и составилъ лучшую грамматичку Богемскаго языка. *Г. Гольманъ*, адвокатъ въ Ичинѣ, перевелъ Османова Фингала. Извѣстны стихотворенія *Г. Гневковскаго*, Городскаго Совѣтника въ Жебрахѣ, а особенно его *Десинъ*, поэма героическо-комическая, взятая изъ народныхъ лѣтописей. *Г. Громадко*, Профессоръ Богемской Словесности въ Вѣнскомъ Университетѣ, издаесть прекрасный журналъ на Богемскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Вѣнскія Письма*. *Г. Хмелъ*, профессоръ въ Градцѣ, издаесть Богемскихъ альманаховъ, написалъ басни для дѣшей, нѣсколько драматическихъ пѣснь и помѣщаесть разныя статьи въ журналахъ. *Г. Хмеленскій*, молодой Докторъ Правъ, издалъ стихотворенія лирическія и драматическія. Его оригинальныя оперы играются по театрамъ къ большому удовольствію зрителей. Учился въ Прагской Гимназіи, *Иосифъ Юнгманъ*, оказалъ неограниченныя заслуги Богемской Литературѣ; онъ уже оканчиваетъ Народный Словарь, надъ коимъ трудился болѣе десяти лѣтъ. Сей словарь принадлежитъ къ первому разряду сочиненій въ родѣ лексико-графическомъ и обширностью своею превзойдетъ, можетъ быть Поль-

скій Словарь Линде. *Юнгманъ* прекраснымъ языкомъ перевелъ Пошерляный Рай Мильшона, издалъ образцы краснорѣчія и стихотворства Богемскаго, и соспавиль единственное въ своемъ родѣ сочиненіе объ Исторіи Богемской Литературы. Она, по мнѣнію его раздѣляется на двѣ части, Первая занимаетъ лишь періодовъ, а именно: 1) отъ основанія Богеміи въ половинѣ VI столѣтія до принятія Бурживоемъ Христіанской вѣры въ 975 году; 2) до пресѣченія царствующей линіи *Премысла*, или до вступленія на престолъ Короля *Ивана*, сына Нѣмецкаго Императора Генриха и отца Карла IV, ш. е. до 1310 г; 3) до войны за вѣру Гусситской или до 1410; 4) до разпространенія книгопечатанія въ Богеміи, или до Фердинанда I или до 1526 г; 5) до Фердинанда II, или до выхода иноувѣрцовъ изъ Богеміи, или до 1620 года. Часть вторая заключаетъ въ себѣ: 6) періодъ, до введенія въ училищахъ Нѣмецкаго языка въ послѣдніе лѣта царствованія Маріи Терезіи или до 1774 года и 7) до нашихъ временъ 1825 года. Въ началѣ всякаго періода изложена вкратцѣ Политическая Исторія Богеміи, ея просвѣщенія, исторія языка и его измѣненій, наконецъ общее обозрѣніе литературы, за которымъ уже слѣдуетъ библіографія, систематически по наукамъ разложенная. Изъ исторіи политической явствуетъ, что Богемцы находились въ безпрестанныхъ спорахъ съ Нѣмцами, пока не покорились имъ въ 1620 году; что просвѣщеніе измѣнялось сообразно со всеобщимъ направленіемъ Европы, и въ особенности съ политическимъ состояніемъ Богеміи.

Язык Богемскій раздѣляется на старый и новый, т. е. пред - Гуссовый и по - Гуссовый.

Литература Богемская во вѣсѣхъ періодахъ гордится многими памятниками языка; въ шестомъ являющіяся въ разныхъ родахъ сочиненія. Еще ихъ болѣе въ четвертомъ періодѣ; пятый періодъ по изобрѣшеніи книгопечатанія составляетъ золотой вѣкъ, но, по моему мнѣнію, языка, а не литературы его. Тогдашнее политическое состояніе Богемцевъ заставляло ихъ писать и печатать разныхъ сочиненій, касающихся вѣры; а потому въ семъ періодѣ является много набожныхъ пѣсней, множество объясненій разныхъ частей Библіи, а болѣе всего сочиненій политическихъ и аскетическихъ. Самыя важнѣйшія сочиненія сихъ временъ суть историческія. Въ шестомъ періодѣ все начало угасаетъ; въ тогдашнія сочиненія показываютъ по большей части дурной вкусъ. Въ наши времена развилась словесность Богемская, на образецъ прочихъ, въ классическихъ и романтическихъ формахъ; мы встрѣчаемъ разнаго рода стихотворенія, какъ то: драмы, поэмы, оды, баллады, сонеты и проч., но изъ краснорѣчій однѣ только проповѣди. Исторія и философія еще не достигли совершенства; сочиненія же по части наукъ и менѣе къ собственной словесности принадлежація, не могутъ занимать чужеземца. Вообще Богемская словесность считается сочиненій до 5,500, изъ коихъ во вѣсѣхъ періодѣ находишь 18, въ шестомъ 109, въ четвертомъ 558, въ пятомъ, по изобрѣшеніи книгопечатанія, золотомъ, 1,611; въ седьмомъ 1,348; въ седьмомъ и последнемъ

года, 1353; но посщепенно болѣе и болѣе ихъ прибываетъ.

Профессоръ Медицины при здѣшнемъ Университетѣ, *Антоній Юнеманъ*, бранъ перваго, издавъ разныя медицинскія книги; при томъ же помѣщаешъ разныя спашы въ Богемскихъ журналахъ, изъ коихъ особеннаго вниманія достойно изшолкованіе Санскрипскаго языка, помѣщенное въ *Дрокъ. Камаритъ*, священникъ въ Клокошахъ, издавъ свои лирическія стихотворенія. *Кинскій*, учитель въ Бринѣ, перевелъ изъ Дресденца поэму героическо-комическую подъ заглавіемъ *Рараускъ*, басни Лессинга, и сочинилъ нѣсколько прозаическихъ спашей. Профессоръ въ Градцѣ, *Г. Клицпера*, счастливый сочинитель многихъ оригинальныхъ народныхъ драмъ, участвуешъ въ альманахахъ и ученыхъ журналахъ, *Г. Колларъ*, проповѣдникъ Евангелической Славянской церкви въ Пештѣ, столицѣ Венгріи, почитаемой первымъ между Богемскими стихотворцами. Знаменистѣйшая его поэма есть *Догъ Славы*, оживленная Славянской народностью и споминъ шого, чшобы всѣ племена Славянскія читали ее. Его проповѣди превосходны. Онъ собралъ въ Венгріи и издавъ Славянскія пѣсни, участвуешъ въ журналахъ, также Сей почитанный и нешмнно ученый Славянинъ, занимается еще объясненіемъ древней исторіи Славянъ. Ревность его ко всему, чшо только можешъ просвѣтитъ и уллучшитъ состояніе его прихода, безпредѣльна. Въ пользу юношества, обучающагося въ Славянскомъ училищѣ, основанномъ собственнымъ его стараніемъ въ

Пестръ, онъ издалъ книгу для чтенія, наполненную очень хорошими спашьями, между конми находящся историческое и географическое свѣденіе о Славянахъ вообще и прекрасный Богемскій переводъ многихъ басенъ *Иенатія Красицкаго*. *Краль*, священникъ въ Бранѣ, издалъ путеводителя по Крудево-гродецкому Епископству; небольшое историческое сочиненіе: *Славяне предки Богемцевъ*, и помѣщая разные статьи въ журналахъ. Г. *Линда*, издашелъ Богемской Гаеелцы въ Прагѣ, обратилъ на себя вниманіе сочиненіемъ своимъ подъ заглавіемъ: *Заря надъ Язычествомъ или Вацлавъ и Болеславъ*, взятымъ изъ древней національной исторіи; но его *Новости* не заслуживаютъ у Богемцевъ никакой похвалы. Г. *Лишка*, Префектъ Училища въ Бохни, написалъ Богемскую Грамматику и трудился надъ переводомъ Гомера. Г. *Махагекъ*, молодой Прагскій литераторъ, очень хорошо передѣлалъ нѣсколько оперъ, какъ то: *Швейцарское Семейство*, *Парижскаго Водовоза*, *Донъ Жуана*, *Севильскаго Цирюльника* и проч., также перевелъ количественными стихами Горациеву *Ars Poëtica*, сочинилъ нѣсколько народныхъ балладъ и издалъ *Выборъ Стихотвореній*. *Марекъ*, Пробытъ въ Либуни, сочинилъ на Богемскомъ языкѣ логику и трудился надъ метафизикой; прекрасныя его стихотворенія помѣщены въ разныхъ журналахъ и собраніяхъ. Профессоръ Богемской Словесности въ Прагскомъ Университетѣ, Г. Иванъ *Наддли* (Negedly), соощалъ Богемскую Грамматику, перевелъ съ Французскаго *Нуму Помпилья*, издавалъ литературный журналъ подъ заглавіемъ *Hlasatel*

Ceski ; переводилъ Гомера , Юнга , Геснера , Мейерша и проч. Братъ его , *Войцехъ Нѣдли* , Пробстъ въ Велизѣ , напечаталъ свои проповѣди и разныя сочиненія въ списахъ и прозѣ и участвовалъ во многихъ журналахъ. *Новотный* , Пробстъ въ Лущенницахъ , составилъ правила Богемскаго языка , издалъ Младо-Болеславскія лѣтописи , замѣчательныя по языку и содержанию , библіотеку изданій на Богемскомъ языкѣ Священнаго Писанія , и перевелъ Евангеліе св. Матфея по Греческому тексту. Г. *Паллицкій* , Прагскій литераторъ , вмѣстѣ съ Г. *Шафарикомъ* , издалъ оплечное сочиненіе подъ заглавіемъ *Начальныя Основанія Богемскаго Стихотворства , а особенно Прозодіи*. Изъ Славянскихъ народовъ Богемцы лучше всѣхъ сохранили прозодію. Всѣ гласныя раздѣляюся у нихъ на долгія и короткія. Удареніе всегда на первомъ слогѣ слова ; и потому-то въ прѣшѣмъ и чѣтвертомъ періодѣ (1310—1526) Богемской Словесности , уже встрѣчающіяся опыты количественныхъ списховъ на образецъ Латынскихъ и Греческихъ. Въ пятомъ періодѣ (XVI столѣтш.) *Иванъ Благославъ* (1560) составилъ теорію пѣнія и прозодіи , на ударенія словъ основанную. Подобно изъясняется въ семъ случаѣ *Лаврентій Венедиктъ изъ Недожиръ* , въ Грамшикѣ своей , изданной 1603 года. Его пѣснямъ и псалмамъ ошдаешъ похвалу *Вацлавъ Клейхъ* въ своемъ духовномъ пѣсенникѣ , изд. 1721 года , говоря , что языкъ ихъ шакъ принаровленъ къ мелодіи , что гдѣ ноша продблжаешся , шамъ и слогъ долгій. *Иванъ Заборскій* сочинилъ (1570) пѣшь Сафическихъ спрѣвъ на часы городъ

ской ратуши, а *Матвей Венешавскій* въ своей Грамматицѣ (1577) перевелъ 8 псалмовъ гекзаметромъ и пеншаметромъ. Въ шестомъ періодѣ (1620 — 1774) славный *Каменскій* (Camerius), перевелъ мысли Капона количественными стихами. *Драговскій* (1644) писалъ о прозодіи въ своей Грамматицѣ. Писали также объ ней *Юрій Конотанцъ* и *Роса* въ своихъ грамматикахъ и въ особенныхъ разсужденіяхъ. Наконецъ въ седьмомъ періодѣ *Длабачъ*, *Керманъ*, *Зещлякъ*, *Семянъ Грушковецъ* и проч. писали метрическіе стихи по ударенію. Но съ 1795 года большая часть поэтовъ спала придерживавшись Нѣмецкихъ образцовъ и количественное стихосложеніе перемѣнили на тоническое. Языки Славянскіе, преимущественно предъ прочими, основаніемъ въ стихосложеніи почишаеь должны, не столько по числу ударенія, и принадлежащую къ оному послѣдовательность (*positio*). Посредствомъ сего способа единственно можно избѣгаеь непріятнаго спеченія согласныхъ и излишняго ихъ изобилія. Г. *Паллицкій*, съ помощію прсвѣщенныхъ соотечественниковъ, одержавъ надъ ними побѣду. Съ удовольствіемъ чишаемъ большое число поэмъ, по правиламъ его, или лучше по образцамъ Грековъ и Римлянъ, составленныхъ. Теперь Богемская поэзія подобна музыкѣ, которая посредствомъ разнообразныхъ тоновъ, высокихъ и низкихъ, длинныхъ и короткихъ, посредствомъ различныхъ ихъ составовъ, проникаетъ въ душу и восхищаетъ каждого. Кроме сего Г. *Паллицкій* участвовалъ въ Богемскихъ журналахъ, и теперь самъ издаетъ журналъ

подъ заглавіемъ : *Народный Музей*. Г. Полякъ, адъюшантъ Г. Барона изъ Колеру написалъ путешествіе по Италіи и поему въ шести пѣнахъ подъ заглавіемъ *Wznesenost Prirody*, что пробудило желаніе не въ одномъ Богемцѣ болѣе узнать о чешской поэзіи. Прочія его стихотворенія разбросаны по журналамъ.

В. Святуполкъ Пресль, Докторъ Медицины, Профессоръ и Директоръ Кабинета Естественной Исторіи въ Прагскомъ Университетѣ, оказалъ важныя услуги Богемской словесности. Онъ съ 1821 издаеъ литературный журналъ подъ заглавіемъ *Крокъ*. Онъ первый изъ Богемцевъ началъ писать объ наукахъ приличнымъ слогомъ. Въ сей журналъ входятъ поэзія, краснорѣчіе, всѣ науки и искусства. Науки, особенно естественныя, приняли въ наше время совершенно новую форму, и сообразно сему всѣ народы составили особый техническій языкъ. Оставалось Богемцамъ или совершенно объ наукахъ не писать, или на подобіе соседнихъ народовъ составить новый учебный языкъ. Наконецъ они, подражая особенно Полякамъ, счастливо изобрѣли Богемскую терминологию, и начали издавать разнаго рода сочиненія математическія, физическія и проч. Г. Пресль издалъ весьма драгоценное въ Богемской Литературѣ сочиненіе, украшенное многими рисунками подъ заглавіемъ *Rostlinar*, и. е. Ботаника, и поспешенно издаеъ составленные имъ самимъ сочиненія касательно Естественныхъ Наукъ, какъ то : Зоологию, Минералогию, Географию, Химию и проч. Кромѣ сего имъ издана Механика. Райманъ, Деканъ

Часшловицкій, издавъ поемы: *Страшный Судъ* въ шрехъ пѣсняхъ, *Маріа Магдалина* въ пяти пѣсняхъ, *Египетскій Іосифъ* въ двѣнадцати пѣсняхъ, и двѣ драматическія пѣсы. *Ролосъ*, Капеланъ въ Тахловицахъ, между прочими швореніями сочинилъ количественными стихами народную эпическую поему въ пяти пѣсняхъ подъ заглавіемъ *Иванъ*. Г. *Ретивъ*, Раппманъ въ Уйспи надъ Орлицей, написалъ двѣ драматическія пѣсы, а его жена *Добромила Ретивовъ* надала слѣющія сочиненія: *Маріина Корвинка*, подарокъ Богемскими дѣвцами, и *Вильонъ Дотерамъ Отчества*.

Г. *Седлятекъ*, Докшоръ Философіи и Учитель Математики въ Пильнѣ, издавъ основанія Геометріи, Физики и Анализику; а сверхъ того написалъ много стихотвореній и историческихъ спашей, которые напечатаны и особо и въ журналахъ. *Стахъ*, Заслуженный Профессоръ Теологіи въ Ольмицѣ, авторъ болѣе десяти Богемскихъ сочиненій, первый возсталъ противъ тѣхъ, кои вздумали писать Богемскіе стихи по образцамъ Нѣмецкимъ. Его *Старостичникъ* пріятно можеть занять читателя. Онъ перевелъ гекзаметромъ Мессіаду Клоппшона и Иешорію Великаго Собора въ Конспанцѣ, коего приговоромъ 1416 г. сожженъ Гуесъ; сверхъ того перевелъ и написалъ разные нравственные и релігіозныя спашы. Г. *Алоизій Свобода*, учитель въ Малосепранской Гимназіи въ Прагѣ, очень хорошій поэтъ, но жаль, что болѣе пишетъ по Нѣмецки; его Богемскія стихотворенія помѣщены въ разныхъ собраніяхъ и журналахъ. *Сыхра*,

Пробывъ въ Ждартъ Моравскомъ, издалъ Богемскую Фразеологию, свои мѣлкія спихошворенія, два веселые сочиненія въ прозѣ подъ заглавіемъ *Ponwidatel u Kratochwilnik*, четыре нравственныя сочиненія для юношества, сверхъ того свои проповѣди, и участвовалъ во многихъ журналахъ. Г. *Шуръ* (*Ssyr*), учившій въ Ичинѣ, издалъ переводъ свой въ прозѣ и стихахъ подъ заглавіемъ *Выборъ изъ Греческихъ Писателей* въ двухъ частяхъ, и безпрестанно обогащаетъ разные литературныя журналы, альманахи и собранія. Г. *Шислеръ*, чиновникъ Прагскаго Магистрата, сочинилъ и перевелъ нѣсколько драматическихъ пѣснь. Г. *Шипанекъ*, Директоръ Прагскаго Театра, достоинъ сравненія съ Польскимъ *Богуславскимъ*. Онъ издалъ 12 пѣснь драматическихъ пѣснь оригинальныхъ, переведенныхъ или передѣланныхъ, и безпрестанно трудится въ пользу Богемскаго театра. Г. *Томасъ*, молодой адвокатъ и литераторъ въ Прагѣ, перевелъ также, кромѣ другихъ сочиненій, нѣсколько драматическихъ пѣснь и романовъ и издаетъ журналы: литературный и шуточный; последнее его сочиненіе есть *Славянской Путешественникъ*. Г. *Туринскій*, Акшуріусъ въ Либоховицахъ, сочинилъ самую лучшую трагедію въ Богемской словесности подъ заглавіемъ *Ангелина*. Его прочіе труды отчасти разбросаны по журналамъ и собраніямъ; а отчасти еще не напечатаны. *Вацекъ*, Деканъ въ Копидлнѣ, издалъ свои проповѣди и прочія мѣлкія сочиненія. *Иванъ Вавакъ*, земледѣлецъ въ Мильчицахъ, руководимый природнымъ даромъ, издалъ свои Богемскія спихошворенія и сочиненія

въ прозѣ, за что получилъ медаль отъ Императора Іосифа II, а Пильзенскіе граждане, удостоили его правомъ Пильзенскаго мѣщанина. **Г. Ванекъ**, Надзиратель Королевской Библіотеки въ Прагѣ, безпрестанно издаесть разные сочиненія, служащія къ просвѣщенію Богемскаго юношества; онъ перевелъ съ Латинскаго Исторію Юстина. Онецъ **Винаржицкій**, Обер-Церемоніймейстеръ Князя Архіепископа, занимается издачіемъ Теологическаго Богемскаго Журнала. Онъ очень хорошо перевелъ **Виргилія** гекзаметромъ. **Заградникъ**, членъ Лишомерицкой Консисторіи, перевелъ, между прочимъ, основанія Инструкціи объ Воспитаніи, изъ Немеера. **Любославъ Зиелеръ**, Докторъ и Профессоръ Теологіи въ Королевскомъ Градцѣ, перевелъ **Фенелонова Телемака**, издалъ альманахъ подъ заглавіемъ **Милина** и издавалъ разные журналы, к. ш. **Доброславъ**, **Милозоръ**, **Другъ Юношества** и проч. Сверхъ сего издалъ разные касающіяся до религіи книги. **Зиммерманъ**, библіотекарь въ Прагѣ, издалъ нѣсколько историческихъ сочиненій, почерпнутыхъ изъ рукописей золотшаго вѣка языка и словесности Богемской. Сверхъ того нѣкоторые изъ сего же вѣка рукописи напечаталъ.

Вотъ лучшіе живущіе писатели Богемскіе. Многіе изъ нихъ хорошо знаютъ Польскій языкъ, многіе читаютъ по Русски и по Сербски; ибо ихъ научилъ **Пухмаеръ**, отличный поэтъ, шотъ самый, который составилъ образцовую Грамматику Русскаго языка, какъ полезно каждому Славянину знать всѣ Славянскія нарѣчія.

Недавно умершій онецъ *Добровскій* почина въ свои сочиненія писалъ на Нѣмецкомъ языкѣ и былъ, такъ сказать, патріархомъ общей Славянской Филологіи въ Нѣмецкой Литераатурѣ, такъ какъ *Іосифъ Юнгманъ* въ Богемской. *Іосифъ Добровскій* родился въ Эрмешѣ около Рааба въ Венгріи въ 1753 г., вступилъ въ Іезуиты въ 1772 году; по уничтоженіи же сего ордена обучалъ Философіи и Математику Графа Ностлица, послѣ былъ Ректоромъ Теологической Семинаріи въ Градицѣ, чѣмъ въ Моравіи. По смерти Императора Іосифа II, за выслугу получилъ пенсію, имѣя при томъ въ Прагѣ жилищество у своего воспитанника и открытый для себя сполу у всѣхъ вельможъ. Онъ издалъ слѣдующія сочиненія: *Scriptores rerum Bohemicarum — Böhmische und Mährische Literatur — Liferar. Magazin von Böhmen und Mähren — Literär. Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Rusland — Geschichte der Böhmischen Sprache und Literatur (1526 года) — Slawin — Slowanka — Lehrbäude der Böhmischen Sprache — Etymologia — Deutsch-Böhmisches Wörterbuch — Institutiones Linguae Slawicae — Kyrill und Method.* Сверхъ того великое число, напечатанныхъ въ разныхъ Нѣмецкихъ журналахъ, разсужденій, предисловій, сочиненьицъ, вѣдомостей и рецензій касающихся Богемской или общей Славянской Литературы и Истории. Не безсмертную славу онъ снискалъ себѣ только образцовыми грамматическими сочиненіями. Слишкомъ семидесятилѣтній старикъ, онъ еще занимался Грамматикой Горнолужицкаго нарѣчія. По смерти его *Г. Челковскій* взял

ей окончить сей трудъ. Добровскій предъ смертію своею помѣщалъ изъ сего послѣдняго сочиненія нѣкошорые отрывки не только въ Нѣмецкомъ, но и Богемскомъ журналѣ.

Мнѣ осмѣается только вспоминать о тѣхъ, кои занимаясь изящными искусствами, дѣлають честь Богемцамъ и вообще Славянамъ. Живопись началась здѣсь съ древнихъ вѣковъ. *Божецехъ*, четвертый настоятель монастыря Сазавскаго, построеннаго Брениславомъ въ первой половинѣ XI столѣтія удачно, малевалъ и вырѣзывалъ изъ камня и слоновой кости маленкія спашуи. Памятники сихъ временъ живописи и скульптуры, говоритъ Юнгманъ, хотя не приближающіе къ тому совершенству, до какого доспигли въ наше время художества, однако всегда имѣють что-то пріятное. Ни одинъ народъ не можетъ представить столько памятниковъ живописи XIV столѣтія, сколько Богемскій. Карлъ IV имѣлъ чепырехъ придворныхъ живописцевъ, изъ коихъ славнѣйшій былъ *Мутиджа*. Его произведенія существуютъ еще и нынѣ; объ нихъ я буду писать къ тебѣ особенно. Родольфъ Императоръ Австрійскій и Король Богемскій, въ XVI столѣтіи, основалъ въ Богеміи одну изъ прекраснѣйшихъ тогда картинныхъ галлерей; выписывалъ картины извѣстнѣйшихъ художниковъ изъ Италіи и другихъ странъ. При его дворѣ было очень много живописцевъ.

Наконецъ въ послѣднія времена кому изъ любителей искусствъ не извѣстны имена и произведенія славныхъ живописцевъ: *Менгса*, *Нетцера* и *Скренкы*? Но кажется, очень немногіе

знають, что они суть Богемцы — природные Славяне. Теперь живутъ въ Прагѣ извѣстные по своему искусству *Ткадликъ, Горчишка, Махекъ* и проч.

Но музыкой Богемцы еще большую приобрѣли славу. Нужно сказать, что прозодія и акцентъ Богемскаго языка немало способствуютъ къ развишю въ нихъ врожденнаго дара къ сему искусству. И для того-то въ цѣлой Австрійской Имперіи, даже въ Вѣнѣ, мы не слышимъ иной музыки, кромѣ Богемской. Слава живущихъ еще *Томашка, Чернаго, Гелинка, Виташка, Воржишка* и проч. разпространилась почти по цѣлому свѣту; мы вездѣ встрѣчаемъ сего рода Богемскихъ артистовъ. Г. *Томашекъ* между прочимъ сочинилъ мелодіи на древнія, прекрасныя героическія пѣсни Краловворской рукописи, изданной Г. *Ганкой*. Богемскія оперы цѣнящаяся и въ Германіи.

VI.

Л Ъ Т О П И С И

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

— ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНІЯ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. *Часть Первая. Москва, въ тип. С. Селивановскаго 1832, съ планомъ и картою.*

Съ благодарностію должно встрѣчать имя всякаго новаго дѣлашеля на полѣ Русской Истории. Такъ мало ихъ, шакъ много жажвы,

но жашвы, воздающей плодъ только письменный. Одна любовь къ наукѣ должна подкрѣплять ихъ въ тяжелыхъ трудахъ. Чего напримѣръ могъ ожидать издатель сей книги, переписывая 'съ длинныхъ столбцевъ сошни своихъ докуменшовъ, разбирая ихъ связные почерки! Онъ не имѣлъ вѣроятно даже швердой надежды ихъ напечатать, не только получить какое либо вознаграждение: ибо ни одинъ книгопродавецъ не рѣшится *увезитъ своихъ денегъ* въ шакое изданіе безвозвратно; чипашелей надо искашь со свѣчей. Развѣ только вдали мелькалъ ему невѣрной лучъ: авось на счастье какъ нибудь найду меценаша, копорый пожертвуетъ своимъ иждивеніемъ на изданіе? — И онъ видно нашелъ его! — Ишакъ равная благодарность обоемъ, за шрудъ и за пособие.

Послѣ географическаго описанія Тульской Губерніи и отрывка изъ Цисцовой Книги, помѣщенъ у Г. Сахарова множесшво грамошъ о дарахъ монашшрямъ, наградахъ землями, мѣльницами, о поштыхъ и ш. п. Всѣ онѣ болѣе или менѣе служатъ къ познанію нашего древняго гражданскаго ушстройшва, и вмѣстѣ съ другими, разсѣянными по прочимъ городамъ, должны предшавить со временемъ полную каршину онаго. Вошъ о чемъ иногда просили, вошъ чѣмъ жаловали, вошъ за что спорили, вошъ что доводили до свѣденія Правительшва, вошъ какое получали разрѣшеніе, вошъ какимъ образомъ — выведешъ намъ когда нибудь Ишпорикъ, прочишавши сіи безчиленные докуменшы. Укажемъ пока на нѣкошпорыя часшныя любопытныя чершы.

„Да били намъ“ — (эшо пишеть Царь Михаилъ Θεодоровичъ въ 1636) — „челомъ Туляне Дворяне и дѣши боярскіи, всѣмъ городомъ, на Туль на посадѣ, наше богомолье, Монашпырь Ивана Предшечи, и родишели ихъ, которые побиты на нашихъ службахъ, и въ осадѣ, со всякой осадной нужи, померли, лежащъ въ шомъ Монашпырь, а нашего де жалованья за шѣмъ Монашпыремъ вошчинъ шолько одна деревня въ дачахъ спо чешей да къ шому де Монашпырю дано для рыбной ловли въ вошчину Упарѣка опъ верховья до Алексинскаго рубежа.“ На эшой рѣкѣ Фролка Меркульевъ обманомъ выхлопшаль себѣ позволеніе поспроишъ мельницу, „и опъ шой де мѣльницы шомъ Предшечевъ Монашпырь оскудѣль, и игуменъ и брашя съ голоду и со всякой нужи разбрелися розно пошому, чшо пишашься имъ въ шомъ Монашпырь нечѣмъ“ . . . „И намъ бы ихъ пожаловашъ за прародителей службу, за кровь и смерпѣ, кошорые за насъ и за прежнихъ Государей побиты, а лежащъ въ шомъ Монашпырь, и за ихъ службу и за кровь, шое мѣльницу вѣлѣибъ даши въ Предшечевъ Монашпырь въ вошчину:“ и проч. (с. 67 и 68).

Велѣно было Тульскимъ самопальнымъ мастерамъ сдѣлать тысячу самопаловъ съ замками въ спанкахъ. „Въ 149 году по нашему указу (пишеть Царь М. Θ. къ Воеводѣ Замытскому) присланы на Тулу Сыщики Пешрь Чихачевъ да подъячей Борисъ Васильевъ, а велѣно имъ на Туль сыскивашъ посадскихъ людей, и по изученію де Тульскихъ людей Исайки Пальцова съ шоварищи, сыщики Пешрь и подъячей Борисъ, для своего бездѣльнаго срыка, Тульскихъ самопаль-

ныхъ мастеровъ многихъ людей переймали и посажали въ шюрьму, а иные многіе самопальные мастера разбѣжались, а наше де самопальное дѣло дѣлать не кому... и какъ къ тебѣ ся наша грамоша придетъ, и пыбъ Тульскихъ самоп. мастеровъ, кошорыхъ Пешръ и Борисъ посадили въ шюрьму, изъ шюрьмы велѣлъ выпустити пошчасъ... И пушкарей и зашинщиковъ и разсылщиковъ, кошорыхъ пы ему Пешру для разсылки далъ, приказалъ имъ на крѣпко, чѣтобъ они ошъ него Пешра и ошъ подъячева въ кузнечную слободу по кузнецовъ, по ихъ приказу, не ходили, и на шоргу и по дорогамъ нигдѣ кузнецовъ не искали, а велѣлъ бы пы кузнецамъ дѣлать наше самопальное дѣло на спѣхъ и проч. (с.80)

„Ошъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича... на Тулу, всеводѣ нашему Ивану Андреевичу Ивашкину. Въ нынѣшнемъ въ 165 году... послана къ тебѣ наша грамоша... а велѣно тебѣ на Тулѣ... Успенія дѣвичья Монашыря Игуминье Софьи съ сесшрами, пятьдесятъ спарицамъ, давань нашего жалованья по двѣснѣ рублевъ ежелишъ безъ *Московскіа волокиты*.“ Эша Московская волокиша упоминается, еще разъ въ грамошѣ, равно какъ и въ другихъ.

„А чѣто Тульскіе кузнецы (изъ грамошы Царя А. М. (1665 с. 97), кошорме дѣлають виншовадьные спволы, Ивашко Филиповъ, Ивашко Орѣховъ, Пешрушко Варламовъ, Ивашко Моисеевъ, Пашка Орѣховъ, чиняшца непослушны, съ шѣми Тульскими кузнецы ружья дѣлать не хопашъ, и пыбъ шѣхъ кузнецовъ, Ивашку Филипова съ шоварищи, велѣлъ сыскашь, а сыскавъ, при всѣхъ

Тульскихъ кузнецяхъ, передъ съѣзжею избою, велѣлъ бишь вмѣсто кнуса бапоги пещадно, и велѣлъ попомъ собрашь поручную запись, что имъ съ Тульскими кузнецы дѣлашь наше, Великаго Государя, пищальное дѣло вмѣстѣ,“ и проч.

„И въ прошломъ де въ 162 году . . . спарецъ Діонисій, похоща поштъ Успенской Монашпырь разоришь, спакався съ Игуменомъ Герасимомъ — въ шой Монашпырь ему Игумену съ брашнѣю, попому что у него въ томъ Монашпырь родипели, поштупился онъ спарецъ Діонисій, безъ брашцкова вѣдома, шой Монашпырской вошчини половину и проч.

„А буде кшому указному числу (изъ грамоты Царя П. А.) по ружье въ опдѣлкѣ и къ Москвѣ въ привозѣ не будешъ, и сдѣлано будешъ не прошивъ образцоваго, и плохимъ мастерспвомъ, или въ худомъ желѣзѣ, и кузнецамъ встѣмъ за оплошку, а шебъ за недосмотръ, бышь въ жесткокомъ наказаніи, въ вѣчномъ разореніи.“

Изъ кормовой книги Анаспасова Богородицы - Рождешвенскаго Монашпыря (1558) . . . „А кшо дасшъ пшдешапъ рублей, или больше, и шого написашъ въ оба Синодика: въ вѣчной и повседневной, безъ выкладки, доколѣ и Монашпырь спощпшъ. А кшо далъ меньше пшпидешапш рублей, и шого держашп въ повседнѣвномъ Синодикѣ сколько рублей, спощько годовъ, а вѣчномъ безъ выкладки. Пѣшь и правиши Соборомъ Панихиды, пѣшь и обѣдни служиши по Князѣ Ѳ. И. Вороньинскомъ, и кормъ кормиши большой

и проч.“ — Для другихъ кормы средніе, малые, смотря по вкладу.

Выпишемъ еще одну проспосердечную челобитную :

„Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бѣсѣ челомъ холопѣ швой Ивашка Григорьевъ, сынъ Сашинъ, на Крапивенскихъ Московскихъ Сирѣльцовъ: на Аверья Савинова, да на Фашѣя Снышина, да на Фрола Масленикова съ товарищи. Въ нынѣшнемъ во 178 году пріѣзжали они наряднымъ боемъ съ лукъ, и съ тищами, и съ рогашины, и съ бердыши, и со всякимъ боемъ на мою, холопа швоего, помѣшную землю, въ Соловской уѣздъ, въ Окологородной спанъ, на пуешомъ на Образцову, за верхъ Брагинъ, и на шой моей землѣ крещъянишекъ моихъ, двадцати человекъ, Миколку Иванова, съ товарищи, били, и грабили, и безчещили, и рожъ на шой моей землѣ насильствомъ своимъ пожали двадцать десятинъ, и сжавъ свезли съ шой моей земли, съ пуешою образцовой, 300 копень, по цѣнѣ на 90 рублей; да у крещъянишекъ моихъ, у 20 человекъ, на шой моей земли, грабежемъ взяли 20 шелегъ, 20 хомушовъ, 20 кафшановъ, 20 шапокъ, 20 сошниковъ, 5 косъ, и всего у нихъ взяли цѣною на 20 рублей. Милосердый Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ: пожалуй меня, холопа швоего, вели, Государь, въ шомъ моемъ иску дань свою, Великаго Государя, зазывную грамоту, мимо Крапивенскаго Воеводи

на иной городъ, гдѣ ты Великій Государь, укажешь, чѣмъ ихъ выслать къ Москвѣ къ ошѣ-шу въ Спирянецкой приказъ, а съ Крапивенскимъ Воеводою у меня, холопа твоего, не дружба. Царь, Государь, смилуйся пожалуй!"

Въ Телеграфѣ, кажешься, когда-то помѣщеннымъ были еще нѣкошорыя Тульскія грамоты, доспавленные другимъ почтеннымъ гражданиномъ Тульскимъ Г. Андреевымъ. Желательно, чѣмъ сей любитель древности сказалъ бы также свое мнѣніе о трудѣ Г. Сахарова въ какомъ либо журналѣ, гдѣмъ болѣе, что онъ знакомъ съ ашимъ дѣломъ, а на мѣстѣ можешь повѣрить списки съ подлинниками, судить объ ихъ полнотѣ лучше насъ, людей стороннихъ. Пожелавъ успѣха въ дальнѣйшихъ трудахъ новому дѣлателью, кончимъ наше извѣстіе замѣчаніемъ на заглавіи: „Исторія общественнаго образованія Тульской Губерніи.“ — Это слишкомъ громко; приличнѣе бы назвали Матеріалами для Исторіи и ш. п.

М. П.

—***—

VII.

О ГѢТѢ И ЕГО ВЪКѢ.

(отрывокъ)

Гѣша умеръ: онъ принадлежишь прошедшему. Тогда только можно произнести безпристрастное сужденіе о писателѣ, когда *мгновое* его дѣйствіе кончилось. Его творенія переходяшь въ обласнь воспоминаній, и дѣйствуя какъ воспе-

минанія, переспаюшъ уже битъ дѣломъ. Слово почти всегда неразлучно съ дѣломъ, кто его произноситъ; и если оно переживаетъ его, то также точно, какъ языкъ переживаетъ народъ: онъ спланировалъ словомъ мертвымъ.

О твореніяхъ Гёте мы уже можемъ говорить, что онъ *был*: ихъ непосредственное вліяніе — по крайней мѣрѣ, на Германію — кончилось.

Чѣмъ же онъ былъ? Каковъ характеръ Гёте, какъ писателя?

Въ Германіи существуютъ два главныхъ о немъ мнѣнія: первое, коего предсавителями можно назвать Шлегелей въ ихъ молодости, ставившъ его на ряду съ Гомеромъ, Данте, Шекспиромъ, почишающъ поэтомъ по преимуществу, единымъ подъ бесконечно-разнообразными символами его творенія, возможнымъ идеаломъ челоѣка, существомъ, выше котораго одни небожители; второе и позднѣйшее, коего главою Менцель, развѣчиваетъ его гений и унижаетъ до простаго таланта, почишающъ его не вождемъ, но послушникомъ своего вѣка, челоѣкомъ, коего характеръ есть совершенное отсутствіе всякаго характера, утонченнымъ эпикурейцемъ, который скрываетъ свою чувствительность и эгоизмъ подъ благовидными формами, и дѣломъ не менѣе презирающъ все доблестное и священное.

При первомъ взглядѣ на сіи два противоположныя мнѣнія, каждый скажетъ, что онъ оба преувеличены и слѣдовательно не вѣрны. Есть, однако, много справедливаго и въ томъ и въ другомъ; но что именно справедливо, и что ложно? Вотъ вопросъ! Разсмотримъ.

Чтобъ судить съ безпристрастіемъ о комъ-бы ни было, нѣтъ болѣе о великомъ писателѣ, каковъ Гёте, должно спастъ по возможности на *его* почву, посреди *его* народа и времени. Ошибка поклонниковъ и порицателей Гёте состояла именно въ томъ, что первые судили о немъ слишкомъ опвлеченно, такъ сказать, внѣ народа и вѣка, къ коимъ онъ принадлежалъ; а вторые измѣряли его по чужому масштабу, и требуя отъ него качествъ, какихъ онъ не могъ имѣть въ свое время, нѣтъ самымъ ложно оцѣнивали его истинныя достоинства.

Я не буду говорить здѣсь ни о поэтической системѣ Гёте вообще, ни о каждомъ изъ его произведеній отдѣльно; я постараюсь показатъ только соотношеніе между имъ, и вѣкомъ и народомъ, посреди коихъ онъ жилъ и образовался. Только такое изученіе можешь повести насъ на насло-ящую почву зрѣнія.

Въ запискахъ своихъ Гёте сказалъ, что время, когда называли его Германскимъ Вольперомъ, было лучшимъ временемъ его славы. Сямъ сознаніемъ онъ, по моему, совершенно себя оцѣниваетъ. Дѣйствительно, между имъ и Вольперомъ есть разительное сходство. Они, въ двоемъ, заключающъ въ себѣ цѣлое сполѣтіе. Вольперъ, отъ 1720 до 1770, и Гёте, отъ 1770 до 1820 года, суть представители умственной образованности двухъ половинъ XVIII вѣка. Различіе между ними не столько личное, какъ національное; и Гёте *выше* Вольпера лишь потому, что онъ жилъ *послѣ* Вольпера. Но главные качества вѣка въ нихъ обоихъ равно отражаются.

Каковы же были эти качества?

Осмынадацашый вѣкъ довершилъ реформацію, не въ общественномъ, а въ умственномъ отношеніи. То поле, съ котораго два предшествовавшия ему столѣтія сіяли прежнюю жашву, онъ взрылъ и приготоовилъ, для принятія новаго сѣмени. Отсюда характеръ разрушенія, ошсуществіе религіозности и слѣд. поэзіи; отсюда также, отъ недоспашка въ центрѣ, многосторонняя и слѣдовательно поверхностная образованность, оприцательная, ибо имѣла основаніемъ не вѣру, а сомнѣніе, и пошому извѣдывающая, переимчивая, нововводишельная въ высокой степени. Отсюда и та безличность, то пожертвованіе своимъ для *гужаго*, которыя лишили XVIII вѣкъ истинной самобытности, оригинальности, внуши себя почерпнушой. Здѣсь его недоспашки, здѣсь и добрыя его качества. Онъ былъ назначенъ разрушить всякое раздѣленіе на части, какъ въ обществѣ, такъ и въ наукахъ, и чрезъ то содѣйствовать къ уравнию и слѣд. къ сближенію всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ, всѣхъ знаній.

Въ срединѣ сего-то вѣка родился Гете. Съ душой, необычайно пріимчивой, онъ повшорилъ въ себѣ всѣ добрыя и дурныя качества своего времени. Начавъ дѣйствовать тогда, когда Вольперъ уже опживалъ свое поприще, онъ, какъ истинный его преемникъ, спалъ продолжатель дѣла разрушенія. Но онъ не былъ подражателемъ Вольпера; національность Германцевъ требовала другихъ свойствъ, другихъ орудій. Всеразрушительная иронія Француза, цѣлившая на общественныя поставленія, на вѣшнюю сторону

жизни, превратилась въ Гёте въ неменьше разрушительный юморъ, имѣвшій цѣлю низпровергнувъ существовавшее тогда зданіе наукъ, пошраспи сомнѣніемъ священнѣйшія надежды челоука, досягнувъ на самыя глубокія чувства души. Воиъ происхожденіе Вертера, Гёца, Фауста, Вильгельма Мейстера, въ коиъ Германскій Вольперъ, не въ слѣдствіе заговора, но во внутреннему, неодолимому побужденію, спремился уничтожити всѣ наши связи съ прошедшимъ, всѣ наши вѣрованія и надежды. Сарказмъ, орудіе виѣшнее, замѣнилось у него опчаяніемъ, чувствомъ совершенно личнымъ, дѣйствующимъ внупръ и убивающимъ по одиначкѣ.

Опсюда понятно, почему Гёте не былъ, подобно Вольперу, главою секты. Онъ дѣйствовалъ не на массу, но на людей опдѣльно.

Тѣмъ не менѣе, *дѣйствовать* — было главною его цѣлю. Сииъ объясняется дидактическій характеръ его произведеній, общій съ Вольперовыми: онъ сознается самъ, что въ своихъ твореніяхъ всего болѣе спарался *didaktisch werden*, подобно своему предшесвеннику, онъ не перялъ нигдѣ изъ виду этой цѣли, въ самой повзїи искалъ поученія.

Ишакъ, Гёте былъ въ полной мѣрѣ *учителемъ* своей націи, но учителемъ - скептикомъ, достойнымъ представителемъ XVIII вѣка. При оприцательномъ, разрушающемъ его направленіи, онъ не могъ имѣть твердаго ценспра, для своей дѣятельности. Вспунивъ однажды въ безбрежный океанъ сомнѣній, онъ всюду искалъ пристани, и нигдѣ не находилъ ее. Онъ извѣды-

валъ всѣ роды, вопрошалъ всѣ науки, обращался по всѣмъ народамъ, и какъ вѣчный спранныкъ; нигдѣ не находилъ пріюта.

Онъ-то, какъ геній своего народа, сдѣлалъ Германцевъ тѣмъ, чѣмъ они шеперь: всѣмъ и ничѣмъ, окружностію безъ центра, учеными безъ собственнаго характера, изучителями народовъ безъ народности, словомъ — всѣмъ; только не Нѣмцами; какъ сказалъ Ж. Поль. Космополиитъ умшвенный, онъ научилъ своихъ соотечественниковъ переселяться во всѣ вѣка и народы, жить одинаково и съ небомъ и съ землею, и чрезъ то лишилъ ихъ своего, сдѣлалъ ихъ безспрасными эклекшиками, равнодушными къ народной доблести, славы, независимости.

Не говорю, чѣмъ одинъ Гѣше создалъ шеперешній характеръ Нѣмцевъ; много другихъ причинъ тому-же содѣйствовали; но онъ, какъ представитель народа, въ себѣ одномъ совкупилъ ихъ всѣ, и силою своего примѣра ихъ увѣковѣчилъ.

Но избави Боже, чѣмъ я обвинялъ Гѣше за его вредное вліяніе на соотечественниковъ: онъ былъ орудіемъ Промысла, органомъ вѣка; онъ возрасшилъ въ себѣ то, чѣмъ принялъ, и передалъ то, чѣмъ взросшилъ. Прибавлю: онъ былъ необходимъ. Какъ знать, не увлеклась-ли-бы безъ него Германія по какому нибудь одностороннему и ей чуждому направленію? Безъ него, не измѣнила-ли бы она своему призванію — быть въ концѣ XVIII вѣка умшвенной плодшворительницей Европы, шакъ точно, какъ она была нѣкогда плодшворительницей ея племя? И если шакова роль,

назначенная Германіи Промыслѣ, поставившии ее въ сердцѣ образованнаго міра, шо какъ не повторить съ увѣренностію, что Гёте, воспиатель своего народа, былъ необходимъ для него, и что онъ былъ шѣмъ, чѣмъ ему бытъ следовало?

Вникните въ его жизнь, взгляните, съ какииъ сознаниѣмъ своего назначенія онъ правилъ рулемъ націи всякой разъ, какъ она сбивалась на односторонній путь; съ какой заботой спарался онъ уравнивать и примирять борющіеся элементы народнаго духа и не допускалъ ни одного изъ нихъ до перевѣса надъ прочими! Поощряя и укрощая поочередно миссицизмъ, мечшательную чувствительность, любовь къ спаринтѣ, любовь къ опшеченности, онъ былъ истиннымъ регуляторомъ своего народа.

Симъ объясняется его характеръ безспрасшій, созерцательный. Онъ парилъ надъ міромъ, кошорый служилъ для него вѣлищемъ, но не сценой для дѣйствія. Онъ выше всякой борьбы, онъ уединялся внутрь себя отъ враждований и привязанностей сего міра, не чуждаясь ихъ, но и не принимая въ нихъ непосредственнаго участія. Должно сознашся, что въ семъ надменномъ величїи Гёте, какъ замѣчаетъ Гацлишъ естъ что-шо сверхъ - человѣческое, спрашное для просшаго смершнаго; и пошому - шо оно не постигнушо многими и смѣшано съ квіешизмомъ эпикурейца. Безспрасшіе Гёте носилъ въ самомъ дѣлѣ печать какого - шо презрѣнія, какого - шо убійственнаго безвѣрія въ характеръ человѣчества, кошорое, можетъ бытъ, естъ высшая сше-

пень прони, крайнее слѣдствіе мертвящаго скептицизма XVIII вѣка: — безспасіе Гете есть обдуманное опчаяніе, опчаяніе, которое доводило его въ молодости до самоубійства, и которое онъ подъ старость привелъ, такъ сказать, въ систему.

Справедливо замѣчаютъ, что характеръ всѣхъ его героевъ есть *нервѣнность* и что симъ онъ хотѣлъ изобразить характеръ всего человѣчества. *Immer suchen und immer finden*: вошь девизъ его героевъ, и вмѣстѣ вошь судьба новѣйшей образованности. Онъ угадалъ ее, и первый произнесъ ей судъ. Но тѣмъ самымъ онъ произнесъ судъ и надъ собою.

Дѣйствительно, школа поэтической произведенная имъ, вся носитъ оппечатокъ нервѣнности: не основываясь ни на какомъ вѣрованіи, Муза Гёте и его послѣдователей опирается на саму себя и въ одномъ искусствѣ ищетъ спасенія. Окруженная развалинами, она старается соорудить на нихъ храмъ не новой жизни, но древняго искусства, какъ конечной цѣли человѣчества. Для ней важна не самая жизнь, но наука, и она не въ первой, а въ послѣдней черпаетъ свое вдохновеніе. Сей вѣпорой характеръ *искусственности*, коей основаніе положилъ Гёте, отражается во всемъ, и въ философіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, и посему Гёте есть по справедливости родоначальникъ новѣйшей Нѣмецкой мудрости. Правда для *Wissenschaftslehre*, которую можно назвать реакціей Фѣауста, одна наука есть все; но для ученія о жожествѣ, развившаго вопліть поэтическую гипотезу Гётевыхъ

творений, уже не наука, а искусство есть все, и знание, какъ и жизнь, суть лишь ея преддверія.

Таково главное вліяніе и шаковъ характеръ произведеній Гёте. Они довершили начатое Вольтеромъ; и духъ разрушенія, который обратился напередъ противъ обществъ, перешелъ потомъ въ область внутренней жизни. Революція гражданская практическая, произведенная Вольтеромъ во Франціи, повторилась въ Германіи въ видъ революціи философической, умственной. И сію последнюю породилъ Гёте.

(сообщено)

VIII.

ПОПРАВКИ И ВОЗРАЖЕНІЯ.

Съ окончаніемъ изданія *Телескопа* за 1832 годъ, Издашель долгомъ считаесть очистишь себя предъ читаателями, помѣстивъ слѣдующія любопытныя замѣчанія противъ нѣкоторыхъ спашей, напечатанныхъ имъ въ продолженіе года.

(А)

Въ NN 14 и 15 *Телескопа* за 1832 годъ помѣщена спашья о *Вѣжномъ Огнѣ съ Баку*, переведенная, какъ видно, съ Нѣмецкаго. Спашья сія начинается такъ: „На Абшеронскомъ полуостровѣ, въ разстояніи почти 12 верстъ отъ города Баку, лежащаго при Каспійскомъ Морѣ, въ 174 верстахъ отъ ключей бѣлой неѣши, къ сѣверу, между деревнями Сарахани и Эмир-Хадсханъ, пылаесть такъ называемый Вѣчный Огонь“

(с. 192). Здѣсь вѣроятно, опъ перестановки цифръ, уменьшено разстояніе Вѣчныхъ Огней опъ Баку; ибо здѣшніе жители всякому любопытствующему о сихъ огняхъ, говорятъ: опъ Баку до огней *уъ-агаъ*, то есть при мѣли; на Русскую мѣру 21 верста. Вѣчный Огонь опъ ключей бѣлой нефти лежитъ не къ сѣверу, а къ югу; а опъ деревни Сарахани на юго-востокъ въ разстояніи одной версты съ небольшимъ. Деревня Эмиръ-Хадсханъ опъ огней въ 7 верстахъ; объ ней можно было и не упоминать, развѣ при описаніи здѣшнихъ ковровъ, которые считаются лучшими. Поправки сіи, конечно, не такъ важны. Гораздо важнѣе опечатка, что будто Вѣчные Огни опъ ключей бѣлой нефти находятся въ 174 верстахъ. Черная нефть, источники коей окружаютъ деревню Балахани, опстоитъ опъ нихъ только на 7 верстъ; а бѣлая еще менѣе, версты на двѣ. Разница, кажется, не малая. Но особенно должно быть замѣчательно для естествоиспытателей, что Вѣчные Огни находятся именно на пространствѣ, опдѣляющемъ ключи бѣлой и черной нефти. Обозрѣвая мѣста, гдѣ бьетъ черная нефть и гдѣ начинаются источники бѣлой нефти, можно заключить, что Вѣчные Огни суть результатъ преобразованія черной нефти въ бѣлую. Почти все пространство земли, гдѣ находятся пропластки съ черною нефтью и гдѣ начинаются ключи бѣлой, наполнены газомъ, пламеняющимъ при горѣніи Вѣчныхъ Огней. Сіи послѣдніе выказываются изъ земли не только въ томъ мѣс-

штѣ, гдѣ стоишь Индійское капище, но и во многихъ окрестностныхъ. Можно полагать, что воспламеняемый газъ отдѣляется при образованіи черной нефти въ бѣлую, какбы возгонкою (*distillatio*); черная нефть, переходя въ бѣлую, освобождаетъ изъ себя сей газъ. Какой же именно долженъ быть этотъ воспламеняемый газъ? Скажу напередъ: Индійцы симъ горючимъ газомъ готовятъ себѣ пищу, освѣщаютъ и ошипливаютъ зимою кельи. Обожаемые огни для нихъ все: и божество, и шепло, и свѣтъ. Когда двери комнатъ ихъ надолго запираются, то любопытные, входя въ нихъ, чувствуютъ сильный непріятный запахъ, щекочущій носъ и возбуждающій къ чиханью. Я самъ, входя въ нѣкоторыя кельи, запершыя на зиму, чувствовалъ сей запахъ, совершенно похожій на курево дымящагося дерева; и, пробывъ по нѣскольку времени въ кельяхъ Индійскихъ отшельниковъ, испыталъ головную боль, словно отъ угара. Въ окрестностяхъ Индійскаго капища есть колодезь, который закрывается; снявъ покрывку, бросаютъ въ него зажженную соломѣ, отъ чего содержимый въ колодезѣ газъ, воспламеняясь, издаетъ шрескъ и звукъ, подобный тому, что у Химиковъ называется *detonatio*. Отсюда съ вѣроятностію можно заключить, что сей газъ есть обуглеводородный, отдѣляющійся при перехожденіи черной нефти въ бѣлую.

Не хочу съ авторомъ спашьи входить въ споры; но счищаю не излишнимъ замѣтить еще

слѣдующее. Авторъ спашьи полагаетъ, что для образованія воспламеняемаго газа Вѣчныхъ Огней вода есть необходимое условіе, и подтверждаетъ свое мнѣніе тѣмъ, что при сѣверномъ вѣтрѣ газъ слабѣетъ по причинѣ уменьшенія воды въ подземныхъ каналахъ (Тел. с. 205 и 206). А съ вѣтроушіемъ можно заключить, что сѣверный вѣтръ, удаляя своею силою воду отъ сѣвернаго берега къ южной сторонѣ Каспійскаго Моря, оставляетъ свободными подземные каналы, изъ коихъ нефть съ водою вытекаетъ въ море; почему въ по время и добывается меньшее количество ея изъ колодцевъ. Съ уменьшеніемъ же черной нефти подземная лабораторія, въ коей вырабатывается воспламеняемый газъ, ослабѣваетъ, такъ что при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ огни вовсе угасаютъ въ большихъ трубахъ Индійскаго капища, пока вновь не накопится достаточное количество газа.

Эта моя догадка о происхожденіи Вѣчныхъ Огней, подтверждаемая почтѣйшими наблюденіями мѣстносшей. Она оправдывается также и тѣмъ, что подобные огни появляются не тамъ, гдѣ есть вода, а тамъ, гдѣ есть нефть, и именно черная и бѣлая вмѣстѣ, какъ н. п. у насъ въ окрестностяхъ Баку и въ Италіи, при Моденѣ, на горѣ Чибіо, не подалеку жъ отъ источниковъ черной и бѣлой нефти. (Баку. И. Павловъ).

(Б)

Въ N 22 *Телескопа* на 1832 годъ подъ спашью: *Хозяйственные Новости*, напечатано

объявленіе о новомъ способѣ вымачиванія свеклы для добыванія *сахара*, М. Домбала. Способъ сей находящъ замѣчательнымъ въ шрехъ ошношеніяхъ по выгодамъ для фабриканшовъ, по удобности производсва и по пропшотъ употребляемыхъ работъ для скорѣйшей операціи.

Обыкновенное крошеніе свеклы и выжатіе изъ ней сока прессомъ находящъ и продолжительнымъ и шруднымъ, но похваляютъ предпочтительнѣе способъ Домбала крошитъ въ тонкіе ломпики свекловицу и мочитъ въ достаточномъ количествѣ воды ошъ 70 до 80° реом., продолжая шакое вымачиваніе за одинъ разъ до 35 минушъ; вода напишанная сахарнымъ веществомъ изъ свекловицы переливается въ другую кадку на другіе ломпики свекловицы и шакимъ образомъ переливаемая изъ кадки въ кадку на новую свекловицу ошъ 6 до 7 разъ, получаетъ надлежащую густоту и тогда уже подвергается вывариванію изъ ней сыропа.

Но въ семъ приѣмѣ я не вижу ни выгоды предъ обыкновеннымъ способомъ крошенія и выжатія свеклы прессомъ, ни удобности, ниже пропшоты.

Чшобы 6 или 7 разъ вымачивать свекловичные ломпики, надобно запасшсь 6 или 7 кадками; а какъ (предполагая большое заведеніе) вода шребуешся ошъ 70 до 80°, то нужны еще покрайней мѣрѣ два огромные кошла, въ коихъ нагрѣтая вода до 80 градусовъ наполняла бы

семь кадей съ ломщиками свекловицы. Эпи семь кадей, эпи кошлы, эпи подогрѣваніе воды до 70 или 80°, эпи переливаніе изъ кадки въ кадку воды до 6 или 7 разъ, дабы насыпишь ее свекловичнымъ сокомъ, супъ прибавленія къ обыкновенному способу; и наконецъ когда изъ ломщиковъ свекловицы извлекутъ (по предположенію) весь сокъ, тогда еще оспашется выбросить вымокшіе уже ломщики и наполнишь всѣ кадки снова свѣжими свекловичными ломщиками.

Всякому легко замѣпишь и легко поняшь, что въ семъ производствѣ Домбала нѣтъ никакой удобности, ни простоты; а шѣмъ менѣе выгоды; нбо обыкновеннымъ способомъ, сперши крупноразрѣзашую свекловицу, выжимають, и выпекающій изъ жома сокъ немедленно подвергають вываркѣ. При семъ, когда устройство хорошо, дѣло лешишь. Но въ способъ Домбала для вымачиванія въ каждой кладкѣ свекловичныхъ ломщиковъ шребуется 33 минушы, а каждая кадка съ ломщиками наливается снова до семи разъ; слѣдовательно, чтобы опшочить въ одной кадкѣ ломщики, пошребна 231 минута времени или 3 часа и 51 минута. Изъ сего много поняшь, сколько надобно времени для цѣлаго производсва вымачиванія. Ишакъ въ способъ Домбала предполагается пошера времени, нѣтъмъ невознаградимая.

Семъ кадокъ и два или одинъ кошелъ, подогрѣваніе воды въ кошлахъ до 80°, переливаніе воды насыщенной свекловичнымъ сокомъ; все оіе предпо-

лагаетъ лишнія издержки въ капиталъ, положимъ, что число людей даже не увеличивается.

Итакъ ясно, что способъ сей будетъ только новою *сладкою повзією* Г. Тучкова для шѣхъ фабриканшовъ, кои польстились бы на сумму 28,000 Франковъ прибыли, получаемыхъ вымачиваніа сахаромъ и мелюсомъ на заводѣ свекловицы.

(А. Іовскій.)

—***—

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра, Москва, Февраля 16 го дня 1833 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Страж.

Сонъ Орланда. Изъ VIII Пѣсни Неиспо- ваго Орланда. (<i>Перев. С. Е. Рауля</i>)	31
П. А. Бар... ой. А. Б.	168
Ф. Д. Х... му. (<i>Н. Павлова</i>) . . .	325
Посланіе къ Другу. Княжнѣ К. Шаховской	482

ПРОЗА

Кошелекъ. Повѣсть <i>Бальзака</i> . . .	36 и 170
Марія. Повѣсть	328 и 484

НАУКИ И ИСКУССТВА :

Исторія и Исшорики. (<i>Изъ Edinburgh Review</i>).	3 и 196
Обозрѣніе Испанской Литерашуры. Ош- рывокъ изъ Рѣчи <i>Дона Антоніо Ал- кала Галіана</i>	63 и 145
Профессоры и Сшуденшы Авинскіе IV Вѣка (<i>Маттера</i>)	281
Вліяніе Діѣшны на Здоровье. (<i>Изъ Edin- burgh Review</i>)	433

КРИТИКА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА :

Походныя и Пушевыя Записки, веден- ныя во время Польской Кампаніи въ 1831 году	106
Краткая Исторія Пиеагорейской Фи- лософіи	262

Красное Начертаніе Естественной Истории Животныхъ, содержащее въ себѣ органиологію животныхъ, съ краткимъ Физиологическимъ объясненіемъ, А. Л. Ловецкаго	385
Исторія Общественнаго Образованія Тульской Истории. Часть Первая. Съ планомъ и каршою	546

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА :

А) Нѣмецкая: Das Recht des Besitzes. F. C. von Savigni. (Право владѣнія, Фридриха Карла фон-Савиньи)	84 и 241
Б) Богемская. (Извлеченіе изъ Писемъ Г. Андрея Кухарскаго)	532

СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ :

Разбойники Рейнскихъ Береговъ. (Изъ Revue de Paris)	114
Спашислика Народнаго Просвѣщенія въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ	140
Нибуръ Путешественникъ	267
Генрихъ Фюзели	359 и 507
Пѣвецъ Рубини. (Изъ Revue de Paris)	398
О Гёте и его вѣкѣ. (Опрывокъ)	553

СМѢСЬ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ НОВОСТИ :

А) Новый способъ вымачиванія свеклы для добыванія сахара, Матте Домбалля	278
Б) Испытанное средство отъ судорогъ	278
О Русской Азбукѣ. (Сообщено)	430
Поправки и Замѣчанія	560

